

# ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ, БАКУНИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Статья и публикация Е. Л. Рудницкой

Деятельность Герцена, Огарева и Бакунина, связанная с польским восстанием 1863 г., широко отражена в их литературном наследии. В фондах Шведской королевской библиотеки хранится богатая коллекция их автографов и других материалов, которые раскрывают ее скандинавский аспект. В своей совокупности они могут быть поняты и оценены только в контексте происходивших исторических событий, в их живом потоке, с учетом идейной направленности, программных и тактических установок, которые вырабатывались в русском революционном движении.

В основу настоящей работы положен архивный комплекс, включающий материалы фондов Э. Квантена<sup>1</sup> и А. Сульмана<sup>2</sup>. Обозначенные хронологические гравы входящих в комплекс документов — 1862—1881 гг. Фактически же они относятся к событиям 1862—1863 гг. и принадлежат двум связанным между собой сюжетам: польскому восстанию 1863 г. и скандинавским связям Лондонского революционного центра; польскому восстанию 1863 г. и деятельности Бакунина в Швеции<sup>3</sup>.

Все документы получены в ксерокопиях с оригиналов, хранящихся, как сказано, в Шведской королевской библиотеке (Стокгольм)<sup>4</sup>. Автографы Герцена и Огарева приводятся на языке оригинала и в переводе на русский язык<sup>5</sup>, остальные — только в переводе с французского, немецкого и шведского языков<sup>6</sup>.

\* \* \*

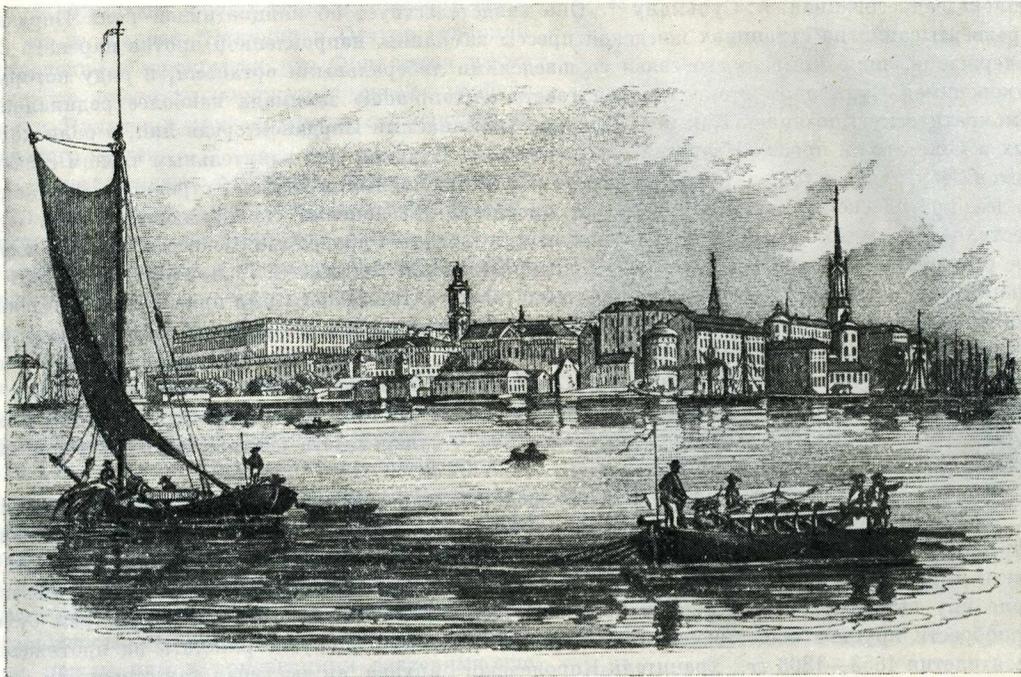
Находящаяся в коллекции наиболее ранняя группа документов — письма З. Иордана (1824—1866), активнейшего деятеля польской аристократической эмиграции, человека с бурной политической биографией, в прошлом участника венгерской революции и Крымской войны. Письма Иордана служат как бы завязкой того сложного переплетения интересов, политических планов, идейных и организационных контактов, которые в целом можно определить как процесс объединения польских и русских сил национального и социального протеста в борьбе с царским самодержавием. Однако в этом объективном процессе наряду со стремлениями, сознательно направленными на такое объединение разных потоков в освободительной борьбе, имели место и иного рода соображения и политические устремления. Сказанное относится прежде всего к тому недолгому сотрудничеству, которое связало на определенном отрезке времени действия Русского революционного центра в Лондоне и польской аристократической партии в Париже в отношении скандинавских стран. Парижская резиденция лидеров партии, князей Чарторьских, — Отель Ламбер — представляла центр широко разветвленной организации с обширными связями в европейских правительственных кругах, в литературной сфере, в прессе. Созданный при Отеле Ламбер специально для усиления пропаганды тайный орган «Бюро польских дел» располагал многочисленным штатом агентов в европейских столицах, в Турции и на Балканах. Член этого тайного органа Иордан еще в начале 1861 г. вступил в переговоры с Герценом и Огаревым. Он старался выяснить возможности использования их огромного авторитета в интересах польской аристократической эмиграции. Редакторы «Колокола» не обманывались насчет политического лица «чарторыщины» и проводили последовательную и самостоятельную политику в отношении Польши. Однако они все же считали целесообразным установить деловые контакты с Отелем Ламбер. Немаловажное значение при этом они придавали его связям, особенно в литературной, газетно-журнальной сфере. По словам исследователя истории польской эмиграции, «развитие революционного движения в Царстве Польском вынудило Чарторьского в начале января 1862 г. вновь послать Иордана в Лондон для переговоров о конкретном сотрудничестве с „Колоколом“». В результате неоднократных обсуждений отчетов Иордана о его беседах с Герценом, Огаревым

и Бакуниным Отель Ламбер 20 января 1862 г. принимает решение „заключить сделку“ и создать при „Бюро польских дел“ „Русскую комиссию“<sup>7</sup>. Прямым результатом состоявшегося соглашения, которое предусматривало взаимную помощь в пересылке пропагандистской литературы, была предприимчивая Иорданом в конце января 1862 г. попытка найти посредников-книготорговцев в Копенгагене для распространения изданий Вольной русской типографии среди русских моряков<sup>8</sup>. Эта попытка представляется одним из звеньев той кипучей и многообразной деятельности, которую развил Иордан, проникая в различные общественные и правительственные сферы прежде всего Скандинавских стран. По словам В. И. Кельсиева, Иордан «имел большие связи при разных дворах, особенно при стокгольмском...»<sup>9</sup>

Острый интерес к Швеции был вызван сложившейся там в это время политической ситуацией. Крымская война дала мощный импульс идее скандинавизма, в которой гегемонистские устремления Швеции тесно переплетались с антирусскими настроениями. Объединение Швеции, Норвегии и Дании рассматривалось как составная часть общеевропейской политики, направленной против России. В обстановке подъема национально-освободительного движения европейских народов, успехов Рисорджименто в Италии, все более очевидного приближения освободительного взрыва в Польше внешнеполитические и национальные проблемы Швеции оказывались в теснейшей взаимосвязи со всеми этими процессами. Скандинавизм выступал как одна из моделей национальных движений с широкой амплитудой социальной и политической ориентации. Особую струю в нем представляли свекоманы — направление финского национального движения, связывавшее со Швецией свои надежды на освобождение от царского самодержавия. Государственное будущее Финляндии, которая в результате русско-шведской войны 1808—1809 гг. вошла в состав Российской империи и получила наименование Великое княжество Финляндское, мыслилось ими как автономия в составе федерации Скандинавских стран. Стокгольм стал центром финской эмиграции, придерживавшейся идеи политического скандинавизма. Противостоявшие им фенноманы все более сужали свою национальную и социально-экономическую программу. Под пером Ю. С. Юрье-Коскинена, своего идеолога, они заявили о себе в 1860-е годы как о «партии, радикальной в отношении языка, но умеренной в государственном отношении». Направление фенноманов в финском национальном движении было, по существу, удовлетворено политикой царизма. Оно ограничивалось в основном требованиями в национальной-культурной сфере и было враждебно внешнеполитической ориентации и радикализму свекоманов<sup>10</sup>.

Публикуемые ниже письма Иордана к поэту и публицисту *Эмилю Квантецу* (1827—1903) — центральной фигуре финской политической эмиграции в Швеции — вводят в область отношений польской аристократической партии с деятелями финского национального движения. Напористый и предприимчивый агент Чарторыхских стремился получать систематическую информацию об отношении шведских общественно-политических кругов к польскому движению, и в первую очередь к представляемой им партии «белых». Иордан рассчитывал на политические услуги со стороны финской эмиграции, которая располагала в Швеции значительными связями и общественным весом. Письма раскрывают и политическую игру «чарторыщины», связанную с обострением политической конъюнктуры в Швеции: в подходе к скандинавской национальной проблеме противоборствовали между собой умеренно-либеральное и демократическое направления. Иордан стремился использовать в интересах «белых» каждую из группировок. Письма свидетельствуют о его упорной и целенаправленной работе по привлечению к сотрудничеству наряду с финскими эмигрантами крупнейших шведских политических деятелей. В обоих случаях Квантен был для него ценнейшим человеком, на которого, как видно, он прежде всего и опирался.

Квантен еще в 1851 г. покинул Финляндию и сумел приобрести в Швеции влиятельное положение, став членом рикстага и вице-библиотекарем Королевской библиотеки — пост, полученный им непосредственно от короля<sup>11</sup>. По заключению исследователя финской литературы Э. Г. Карху, Квантен не принадлежал, в строгом смысле слова, ни к партии свекоманов, ни к партии фенноманов. До эмиграции он входил в состав радикальной группировки материалистов и атеистов, образованной студентами Выборгского и нюландского землячеств в Гельсингфорском университете. Группировка — ее главой считался К. Квист — отражала настроения той части шведской и финской интеллигенции, которая выступала за буржуазно-демократические преобразования, отвергала специфически национальные требования, и в частности признание языка как решающего условия бытия нации. Квист призывал прежде всего к политическим и экономическим преобразованиям. Решение национальных задач Финляндии связывалось этой группировкой со свободой личности. В своей политической ориентации она была враждебна царизму<sup>12</sup>.



## СТОКГОЛЬМ

Гравюра неизвестного художника

Из книги: «Stockholm, Historia och topografi», Stockholm, 1855

Пропаганде идей равноправного союза Финляндии и Швеции Квантен посвятил две свои брошюры, выпущенные им в 1854—1855 гг. под общим названием «Фенноманы и скандинавизм» и призывавшие к войне Швеции с Россией. Квантен продолжал поддерживать тесные контакты с Финляндией и был прекрасно осведомлен о положении в стране. В течение 1857—1861 гг. он издает четыре сборника писем своих финских корреспондентов под названием «Финляндские условия» и, кроме того, «Цензурный альманах» — сборник статей, не пропущенных цензурой в Финляндии<sup>13</sup>. Внешнеполитическая ориентация Квантена, его возможности как депутата парламента и влиятельного публициста, непосредственно связанного с внутрифинским движением, служили основой острой заинтересованности в нем Иордана.

В письмах Иордана к Квантену от 12 сентября и 15 октября из Парижа выявляется практическая основа отношений, связывавших финскую политическую эмиграцию с польской аристократической партией. Руководство Отеля Ламбер открывало финской эмиграции доступ в прессу, французскую прежде всего, через те каналы, по которым шла к европейскому общественному мнению их собственная пропаганда. Со своей стороны Иордан настойчиво требовал от Квантена информации о политической ситуации в Швеции, о перспективах получения поддержки парламента и правительства. Между Иорданом и Квантенем имела договоренность о взаимной поддержке в каких-то общих политических действиях конспиративного характера. Высказывания Иордана о преждевременности выступления в Польше отражали установки партии Чарторьского, связывавшей решение польского вопроса исключительно с вмешательством европейских держав. Возможно, что он смягчал, учитывая демократические симпатии Квантена, формулировки в отношении самой возможности и желательности восстания в Польше. Взрыв национальных чувств в Швеции, вызванный указом Александра II о праздновании в 1862 г. годовщины Полтавской битвы, был всемерно использован Иорданом. Во время визита в Швецию в 1862 г. в качестве представителя князя Чарторьского Иордан организовал в Стокгольме 8 июля контрманифестацию в память Полтавской битвы и выступил с речью<sup>14</sup>. Он постоянно возбуждает эти настроения и в письмах в Швецию предлагает, как это видно из письма к Квантену от 15 октября 1862 г., участие польской эмиграции в сборе средств на сооружение монумента в память шведских солдат и офицеров, погибших во время Полтавской битвы. С этим же вопросом связана его

записка, адресованная А. Сульману<sup>15</sup>. Она свидетельствует об инициативной роли Иордана в развертывании на страницах шведской прессы кампании, направленной против царского самодержавия, приоткрывает его связи со шведскими либеральными органами, в ряду которых руководимая Сульманом стокгольмская газета «Aftonbladet» занимала наиболее радикально-демократическую позицию. Как и А. Бланше, упоминаемый Иорданом среди лиц, о роли которых в рикстаге он просил Квантена рассказать ему, Сульман был влиятельным членом созданного в Стокгольме в 1860 г. так называемого «Общества движения вольных стрелков». Радикально-демократическому характеру решения проблемы объединения скандинавских стран, осуществляемого путем народной инициативы, сопутствовало в программе Общества островраждебное отношение к Российской империи<sup>16</sup>. Интересовавшийся Иордана С. Г. Лаллерстедт, с 1851 г. главный акционер консорциума, приобретшего газету «Aftonbladet», был признанным шведским национально-либеральным лидером. В 1856 г. в Париже вышла его книга «La Scandinavie, ses craintes et ses espérances», целью которой было убедить европейское общественное мнение в необходимости содействовать объединению Скандинавии и возвращению Швеции Финляндии<sup>17</sup>. Депутат Палаты городского сословия рикстага с 1856 по 1863 г. Лаллерстедт выдвигал и отстаивал в нем принципы национального единства и суверенитета скандинавских народов под эгидой шведского короля.

Иордана интересует и влиятельнейший представитель финской эмиграции, юрист и политик И. Я. Нордстрём. Еще в 1846 г. он покинул Финляндию, где был профессором права Гельсингфорского университета и одним из основателей Финского литературного общества. Нордстрём, как и Квантен, сохранял с Финляндией прочные связи, имел там большой авторитет, что позволяло ему оказывать воздействие на ее общественно-политическую жизнь. Нордстрём сумел приобрести крупное общественное положение и в Швеции. Депутат рикстага на протяжении десятилетия 1853—1863 гг., хранитель Королевского архива, он выступал как сторонник скандинавской федерации при сохранении автономии Финляндии, был известен своей оппозиционностью к российскому самодержавию. Последнее обстоятельство, также объединявшее его с Квантеном, определило главным образом заинтересованность в них Иордана.

Сульман, Бланше, Лаллерстедт, Нордстрём, упоминаемый в письмах Иордана к Квантену депутат Палаты городского сословия рикстага А. В. Бьёрк — представитель шведских буржуазно-либеральных кругов — и прежде всего сам Квантен, как и ряд других шведских и финских деятелей, с которыми сблизился или стремился сблизиться Иордан, — это люди, принадлежавшие к разным политическим направлениям, не всегда близкие по своей идеологии. Но все они были едины в стремлении создать в Швеции мощное общественное движение в пользу поляков, направленное против русского царизма. Для финской эмиграции такое движение сливалось с их прямыми национальными интересами.

Хотя Отец Ламбер относился к сотрудничеству с «Колоколом», а также и с финнами как к временной сделке, события подстегивали его деятелей, заставляли идти на укрепление взаимных контактов. Третье, находящееся в фонде Квантена, письмо к нему Иордана послано из Лондона 19 января 1863 г., т. е. за пять дней до восстания, начавшегося в ночь на 23 января. В Лондон Иордан был направлен с тем, чтобы уговорить издателей «Колокола» поместить статью, которая задержала бы взрыв в Польше<sup>18</sup>. Со своей стороны он предпринимает дополнительные усилия, чтобы содействовать интересам Вольной русской типографии в Швеции. Мы узнаем из этого письма о действиях, предпринятых Иорданом в Швеции во время пребывания там в 1862 г. в порядке выполнения соглашения Отца Ламбер с Герценом и Огаревым. Вот что Иордан писал Квантену (по-французски):

«Лондон, 19 января <1863 г.>

Милостивый государь!

Во время моего пребывания в Стокгольме я поручил г. Боннье связаться с издателями «Колокола» в Лондоне, взять на себя продажу и распространение книг и изданий, выпущенных Вольной русской типографией.

Г-н Боннье, в соответствии с договоренностью, направил письмо г. Бакунину; к сожалению, оказалось, что это письмо потеряно и не дошло по месту назначения.

Желая облегчить проникновение упомянутых книг и изданий в Россию, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с просьбой поговорить на эту тему с г. Боннье и поддержать не только политические интересы, которые с этим связаны, но и коммерческие, чтобы Русская лондонская типография не потеряла по крайней мере свой капитал, необходимый ей для дальнейшего существования.

Я обращаюсь к вам с полным доверием, потому что гг. Герцен, Бакунин и Огарев говорили откровенно и не скрывая, что Финляндия имеет такое же право распоряжаться своей судьбой, как и Польша и другие народы, страдающие от царского гнета.

Я возвращаюсь в Париж через несколько дней и буду ждать с нетерпением от вас новостей, которых у меня не было уже давно.

Жму вашу руку и передаю привет вам и всем вашим друзьям.

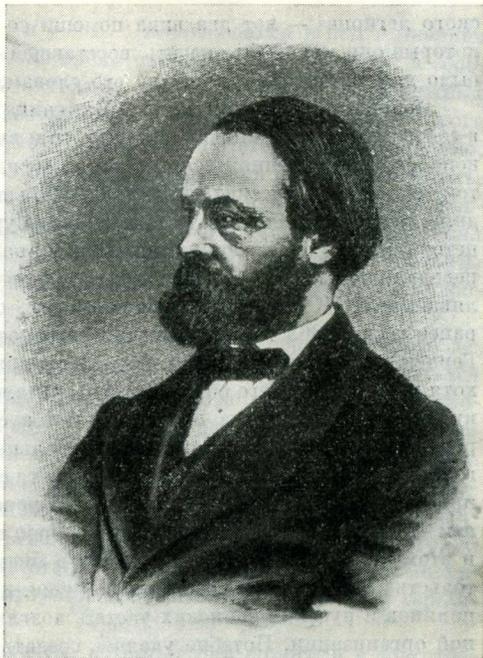
Преданный вам Зыгмунд Иордан<sup>19</sup>.

Как видим, Иордан не ограничился поисками посредников-книготорговцев в Копенгагене для продвижения изданий Вольной русской типографии в Россию. Он предпринимает такие же действия в Стокгольме и достигает практической договоренности с А. Боннье — главой крупнейшей шведской издательской и книготорговой фирмы, известным своими либеральными убеждениями. Пропажа его письма к Бакунину сорвала возможность наладить посреднические отношения между ним и лондонскими деятелями еще в 1862 г. Письмо Иордана из Лондона представляет тем не менее значительный интерес: во-первых, в нем содержится прямое и наиболее раннее свидетельство о позиции Лондонского центра русского революционного движения в отношении Финляндии, и, во-вторых, оно фиксирует начало контактов Герцена, Бакунина и Огарева с Квантеном, раскрывает источник их информации о финской эмиграции в Швеции, о ее политической ориентации.

Завязывавшиеся через Иордана отношения с финскими деятелями приобретают особую актуальность для русского заграничного центра в связи с начавшимся в Польше восстанием. Вырисовывалась перспектива создания дополнительного фронта на северных рубежах России, сомкнутого с польским восстанием. Такой возможностью был, несомненно, воодушевлен Бакунин, всецело поглощенный в это время идеей совместного русско-польского выступления.

Характер революционной деятельности Бакунина в 1862—1863 гг., когда он вновь появился на политической арене, пройдя перед тем саксонские, австрийские, русские тюрьмы и сибирскую ссылку, раскрывается в ряде воззваний, опубликованных им в «Колоколе». Бакунин выступал в качестве идеолога «крестьянской России», его политические и социальные идеалы определялись формулой: исключительное присвоение народу права собственности над всей землей и общинное владение ею, «общинное самоуправление, государственное, федеральное общеславянское управление»<sup>20</sup>. Революционно-демократические в своей основе воззрения Бакунина с ясно выраженной народнической окраской в то же время сохраняли еще существенные элементы дворянской революционности. Идея, которую он развивал в прокламации «Пугачев, Романов или Пестель», что император Александр II мог бы встать во главе русского освобождения, была отнюдь не пропагандистским приемом, рассчитанным на русского, монархически настроенного читателя. С подобными заявлениями он выступил вскоре и в шведской прессе, разъясняя шведской публике политическую конъюнктуру в России. В политической программе Бакунина Россия выступала как ведущая революционная сила среди всех остальных славянских народов и народов, подчиненных России, хотя он и допускал при этом, что Польша может оказаться впереди на пути к социальной революции.

Свое понимание действительного русско-польского революционного сотрудничества при начале восстания в Польше Бакунин изложил в письме к Центральному национальному комитету от 21 февраля 1863 г. (ЦНК — Польское революционное правительство в Варшаве). Пропаганда в России, в армии и провинциях, и создание в Польше «в самом лагере польской революции рус-



ЭМИЛЬ КВАНТЕН

Гравюра неизвестного художника, 1860-е гг.

Из книги: С. Bååth-Holmberg. Skaldebrömmar och skaldepolitik. Emil von Qvanten och Hans Tid. Stockholm, 1906

ского легиона» — вот два вида помощи со стороны русских революционеров, писал Бакунин, которые они могли бы оказать восставшей Польше. Последнее — создание русского легиона — было для самого Бакунина, по его словам, «главной целью и самым заветным желанием»<sup>21</sup>.

Основные положения письма Бакунина разделялись Герценом и Огаревым. Они находились в соответствии с позицией Лондонского и внутрирусского революционных центров по польскому вопросу, закрепленной в переговорах между варшавским Центральным национальным комитетом, Комитетом русских офицеров в Польше и руководством «Земли и воли», которые происходили во второй половине 1862 г. в Петербурге, Лондоне, Варшаве. Их завершили лондонские и петербургские переговоры конца 1862 г., на которых был юридически оформлен русско-польский революционный союз<sup>22</sup>. Позицию русской стороны при солидарности с «красными», представлявшими ЦНК на всех этих переговорах, отличало убеждение в преждевременности восстания ранее весны 1863 г., в отсутствии готовности к нему со стороны русских революционных сил. Герцен и Огарев в условиях, когда восстание, спровоцированное царскими властями, вспыхнуло, хотя и предвидели его обреченность, считали своим долгом оказать ему всю возможную поддержку. Позицию Бакунина отличала вера в случайный успех восстания и крайнее преувеличение революционности расположенных в Польше войск. Его письму в ЦНК предшествовали переговоры руководителей Лондонского центра с членом ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцовым, который приехал в феврале из Петербурга уже через охваченную восстанием Польшу, и с А. А. Потемной — главой Комитета русских офицеров в Польше. Обсуждение положения, сложившегося там к этому времени, нашло отражение в письме Бакунина. Объективные и субъективные обстоятельства первых дней восстания нарушили подготавливавшийся план совместного выступления поляков и русских воинских частей, возглавляемых офицерами — членами военно-революционной организации. Потемне удалось создать повстанческий отряд из членов офицерской организации, но неизвестная случайность повлекла за собой либо его роспуск, либо привела к военному поражению<sup>23</sup>. В этих условиях переговоры о новом плане создания русского легиона в Польше составляли едва ли не главную цель поездки Потемни в Лондон. Над выработкой и осуществлением плана будут трудиться и русские землевольцы, и Лондонский центр. С этим планом были прямым образом связаны обстоятельства, вследствие которых Бакунин оказался в Швеции.

С началом восстания Бакунин обратился в Варшаву с просьбой разрешить ему приехать в Польшу. Однако ЦНК, опасаясь слишком энергичного вмешательства Бакунина в польские дела, не дал ему разрешения на въезд. План создания легиона усиливал нетерпение Бакунина. Он решает приблизиться к цели иным путем: отправиться в Швецию, чтобы по пути туда или уже на месте добиться контакта с руководителями восстания<sup>24</sup>.

21 февраля, т. е. в тот же день, которым помечено его письмо в ЦНК, Бакунин выезжает из Лондона в Стокгольм. Его путь лежал через Брюссель, Гамбург, Киль, Копенгаген. А днем ранее, предвывая появление Бакунина в столице Швеции, Иордан писал туда Квантену из Парижа\*:

«Милостивый государь!

Время так дорого и дела такие срочные, что я могу написать вам всего несколько слов, что бы рекомендовать г. Магнуса Беринга вам, г. Манкелю, Бланше и вашим друзьям, которым он захочет быть представленным. Примите его как своего друга, говорите с ним обо всем, что вас интересует, постарайтесь с ним договориться и оказывайте ему в дальнейшем помощь и поддержку. Я не имел возможности подробно с ним беседовать перед его отъездом, поэтому я не могу сообщить вам никаких подробностей о его планах, но я глубоко уверен в чистоте его намерений по отношению к Польше и Финляндии. Он может, как все люди, ошибаться, но он не обманет. В данный момент он может оказать нам значительные услуги. Вы сами увидите, что вы с ним сможете устроить.

Я надеюсь в скором времени направить к вам одного из моих соотечественников, поэтому я не хочу писать в письме того, что он сможет передать вам лично.

Еще раз рекомендую и прошу принять с полным доверием г. Магнуса.

Жму вашу руку, милостивый государь, и прошу вас передать привет всем моим друзьям.

Преданный вам Зыгмунт Иордан»<sup>25</sup>.

Под именем Магнуса Беринга скрывался Бакунин, охотно пользовавшийся различными псевдонимами. Таким образом, письмо Иордана сообщает еще один бакунинский псевдоним и документально подтверждает подлинность письма Бакунина к польскому эмигранту в Париже

\* Перевод с французского. — *Ред.*

А. Гуттри с датой «2 марта 1863» и подписью: М а г н у с Б. Он соглашался в нем с мнением своего адресата, что для него, Бакунина, еще не настало время отправиться в Польшу, и сообщал свой ближайший план: обосноваться прежде в Стокгольме, «дождаться там благоприятных известий», а затем употребить «усилия к тому, чтобы возбудить в Финляндии движение, которого желаем не только мы, но и наши друзья в Петербурге»<sup>26</sup>. Ссылка на Петербург, несомненно, являлась результатом переговоров со Слепцовым. И в письме к Гуттри, как и в рекомендательном письме Иордана, поездка Бакунина в Стокгольм связывалась с планами в отношении Польши и Финляндии<sup>27</sup>. Как мы увидим ниже из писем Бакунина, он в Швеции даром время не терял и за какой-нибудь месяц сумел установить самые тесные отношения и политические контакты с представителями шведских правительственных и общественно-политических кругов и с наиболее видными деятелями финской эмиграции.

Польские дела и личное участие в восстании оставались для Бакунина первостепенным делом. Большие возможности открывала для него морская экспедиция Лапинского, снаряжавшаяся в Лондоне по поручению повстанческого правительства в марте 1863 г., когда восстание распространилось на территорию Литвы и Белоруссии. Эта экспедиция направлялась в Литву для доставки туда добровольцев и — что было особенно важно — оружия, в котором так нуждались повстанцы. Командование экспедицией поручено было Т. Лапинскому, правительственным комиссаром назначен Ю. Демонтович. Характер экспедиции и ее цели полностью отвечали уставкам Русского заграничного центра. «Польская революция, — писал Огарев незадолго до этого, — действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание»<sup>28</sup>. На Литву при этом возлагались наиболее серьезные надежды.

По договоренности Герцена и Огарева с Демонтовичем, которому они помогали в подготовке экспедиции, Бакунин должен был присоединиться к ней на пути ее следования. Находившийся в составе экспедиции русский офицер Л. Н. Рейнгартен, член Комитета русских офицеров в Польше, намечался командиром русской дружины, Бакунину же поручалось распространение восстания на русские губернии<sup>29</sup>.

Для перевозки добровольцев и оружия был зафрахтован английский пароход «Ward Jackson». 22 марта он вышел из Саутгемптона и направился к берегам Швеции. Как только Бакунин получил это известие, он тотчас же, 23 марта, покинул Стокгольм, чтобы присоединиться к экспедиции в Гельсингборге. «Ward Jackson» прибыл туда 25 марта. За день до этого Бакунин в сопровождении Квантена и А. Норденшльда — финского эмигранта радикального направления, известного географа и путешественника, исследователя Арктики — находился в Готтенберге, на пути к Гельсингборгу. Здесь перед расставанием с провожавшими его финскими друзьями он начинает свое письмо к сыну Герцена, Александру, — «Юниору» («младшему»), как он его именует. Бакунин предполагал, что надолго покидает Швецию, и передавал все им начатое в Стокгольме в руки Герцена-младшего, который должен был его заменить как представителя русских революционных сил, посланника редакции «Колокола».

1863 год для А. А. Герцена был временем, когда дело, которому посвятил свою жизнь его отец, стало и его делом. В 1861 г. он вернулся в Лондон из Берна, где блестяще окончил университет и получил степень доктора медицины. А. А. Герцен все более втягивается в политическую деятельность. Уже во время своего морского путешествия в Норвегию и Исландию в мае — сентябре 1861 г. он выполняет поручение редакторов «Колокола» и налаживает связи с норвежскими книготорговцами<sup>30</sup>. Его посещение Гейдельберга в декабре 1861 г. сопровождалось политической демонстрацией. В лице сына Герцена гейдельбергская студенческая русско-польская колония на специально устроенном торжественном обеде приветствовала издателей «Колокола». А. А. Герцен держал ответную речь. Герцен считал эту встречу решающим моментом в политической биографии своего сына, его вступлением на революционный путь. «И как отец, и как друг я желаю, чтобы ты этим путем шел, чтоб я мог всегда и твердо опереться на тебя и тебе завещать часть нашего дела» (XXVII, 203), — писал он ему в Гейдельберг 21 декабря. Огарев, также горячо желавший приобщения сына Герцена к революционному служению России, добавил от себя: «Если я действительно и искренно бывал доволен каким-нибудь увлечением, то это теперь твоим. Сделай же из него не увлечение, а внутреннюю правду всей твоей жизни» (XXVII, 204). Дальнейшая переписка А. А. Герцена с отцом свидетельствует о том, что Герцен-младший был в курсе дел и замыслов русской революционной эмиграции. А. А. Слепцов во время пребывания в Лондоне, по-видимому, оформил фактическое членство А. А. Герцена в «Земле и воде». На него возложены были обязанности связного между Лондоном, Гейдельбергом и



ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

Фотография, 1860-е гг.

Из книги: А. Lewak. Dzieje emigracji polskiej w Turcji, 1935

Необходимость подробных сведений с приложением маршрута Герцен объяснял намерением «двоих союзников» («оба русские») принять участие в восстании. Письмо заканчивается передачей поклона от сына. Представляется справедливым предположение, содержащееся в комментарии к этому письму, что в нем идет речь о П. И. Якоби и В. О. Ковалевском (XXVII, 758). Близость с Якоби — активным участником гейдельбергской студенческой организации, реализация замысла отправиться в Польшу (Ковалевский оставался там непродолжительное время, а Якоби занял крупное командное положение в рядах повстанческой армии) были лишь одним из моментов живой причастности Ковалевского к той кипучей работе, которой была охвачена русская революционная эмиграция. Справедливость предположения, что в письме Герцена к Пиотровскому речь шла именно о Ковалевском и Якоби, подтверждается письмом Ковалевского к Герцену от 22 октября 1863 г., где он пишет о своем приезде в Краков к Якоби, «о котором и вместе с которым (...) уже писал вам еще в апреле»<sup>31</sup>. Такой штрих, как поклон от сына в письме к польскому революционному деятелю, которого он именует «сотрудником» и от которого требует информацию о состоянии революционных сил («поторопитесь собрать сведения»), представляется дополнительным свидетельством того, что, выполняя прямые поручения, связанные с «Землей и волей», Герцен-младший деятельно сотрудничал с революционной Польшей. Его переписка с Ковалевским, из которой до нас дошло лишь названное письмо, — один из эпизодов этого сотрудничества.

Требование Бакунина, чтобы Герцен-младший немедленно выехал в Стокгольм, последовало как раз в момент, когда он целиком был поглощен конспиративными делами, связывавшими Лондон, Париж, Гейдельберг, Варшаву, Краков. Однако, покидая Швецию, Бакунин не сомневался в его немедленном приезде и оставлял для него подробные инструкции. 26 марта Бакунин прибыл в Гельсингборг и поднялся на борт парохода «Ward Jackson». Перед самым отплытием 28 марта он отправил следующее письмо Квантону:

Парижем, куда Слепцов выехал во второй половине февраля 1863 г., Герцен-младший вновь посещает один из центров русской «молодой эмиграции» — Гейдельберг. Там в это время идет сбор денежных средств и мобилизация сил для создания русского легиона в Польше. Насколько близок был к гейдельбергским предприятиям А. А. Герцен, свидетельствует его письмо в Гейдельберг к В. О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г., в котором он высказывает свои соображения по поводу проекта П. И. Якоби организовать отряд русских революционеров и отправиться в Польшу. Из письма явствует, что переписка по этому вопросу сына Герцена с Ковалевским велась и ранее, что с его мнением и оценкой общей ситуации считались при осуществлении плана. Сын Герцена в силу своего положения был естественным связующим звеном между руководителями русского заграничного революционного центра и «молодой эмиграцией».

В единственном сохранившемся письме Герцена к секретарю Парижского народного комитета польской эмиграции Р. Пиотровскому, датированном 12 апреля 1863 г., т. е. пятью днями позже письма «Junior'a» и самого Герцена к Ковалевскому, он запрашивал у него сведения «об состоянии революции в Литве и кто там более надежный, равно в каких местах главные отряды» (XXVII, 307). Необ-

Дорогой друг!

Через два часа я покидаю Гельсингборг, чтобы отправиться прямо в Польшу. До свидания. Спасибо за твою дружбу. В самые последние мгновения мы с тобой, так же как и с Норденшюльдом, пили на брудершафт. — Я посылаю тебе начало неоконченного письма к младшему Герцену. Прочти его и дай прочесть Норденшюльду. То, что я не успел сказать ему, скажите ему сами. Особенно помогите ему с Боннье — т. е. успешно осуществить дело с Боннье и финско-русскую конспирацию, а также связь и пропаганду через Финляндию в Петербург. Отведите его к Нордстрёму, затем к Бьёрку и Ерту, но особенно к фон Бильдту, и к Кенигу, и принцу Оскару, и не успокаивайтесь, и сделайте все возможное и невозможное, и да будет над вами обоими дух Революции и помните

вашего верного друга М. Б а к у н и н а \*<sup>32</sup>

К этому письму приложено было письмо Бакунина, адресованное А. А. Герцену, начатое им еще по дороге в Гельсингборг.

Александр Герцену  
junior'у

24 марта 1863 г. Готтенберг  
по дороге в Польшу

Мой дорогой друг и брат Александр junior! — Я начинаю с того, что мысленно пью с тобой на брудершафт (как раз сейчас я пью чай) — и говорю тебе *ты*, и, если нам суждено увидеться, мы отныне отбросим дипломатически вежливое *вы*.

То же самое я сделаю с Квантемом и Норденшюльдом. — Я рекомендую тебе двух неоценимых друзей, а именно вышеупомянутого Эмиля фон Квантена и Норденшюльда. Оба они финские эмигранты, серьезные финские патриоты. И этого одного было бы достаточно как для нас, так и для них, чтобы уяснить необходимость наших взаимных связей — так как они, хотя и вдали от нас, стремятся к объединению со Скандинавией, и именно поэтому наши интересы солидарны. — Они хотят освободиться от нас и стать независимыми, мы хотим ради нашей собственной свободы, чтоб они с помощью собственных немедленных действий освободились от нас, — наше обоюдное стремление к самоосвобождению должно связывать и будет связывать нас. На этом основании мы протянули друг другу руку во имя общего дела. Поэтому твоя первая забота — подтвердить моим, а значит, и твоим, нашим общим друзьям, что на самом деле не только я или только мы, лондонские русские, но что вся русская революционная партия убеждена в необходимости взрыва русского государства и безусловного освобождения его соединенных лишь с помощью насилия частей <...> что для нас дальнейшее развитие русского народного дела является необходимым условием — *sine qua non* \*\*. И именно поэтому мне так дороги эти новые друзья, что они это тотчас поняли и отнеслись ко мне с безусловным доверием. — К тому же, как везде, где только заходит речь о России, известно, что деятельность твоего отца бесконечно много внесла и его имя очень высоко ценится нашими друзьями и многими в Швеции. Однако это не должно тебя соблазнять публично фигурировать в Стокгольме под фамилией Герцена, назовись Магнусом Берингом и оставайся сыном Герцена лишь для немногих, для обоих друзей, для господина Нордстрёма, г. Бильдта, для Кенига, а также для господина Бьёрка и господина Ерта, для принца Оскара, правда в меньшей степени для Лаллерстедта, Зольмана и для моего хорошего друга д-ра Минса, с которым и Лаллерстедт должен быть знаком.

Теперь снова я возвращаюсь к моим друзьям. Квантен и Норденшюльд — не только политические, но и дорогие личные друзья, к которым я требую неограниченного и безусловного доверия. Они любят наше дело почти так же страстно, как свое собственное. Они были для меня здесь и будут для тебя бесконечно полезными. Следовательно, все, что ты здесь будешь предпринимать, делай с полного их согласия. Я заключил с ними от моего имени и от имени всей партии союз на жизнь и на смерть, простой принцип которого есть свобода и абсолютно свободное самоопределение для всего — как для нации, так и для провинции. Пусть твой отец напишет Квантену и Норденшюльду письмо по-французски и ратифицирует наш союз и личную дружбу.

Но так как мы не оставляем места для чувств — а сразу переходим к делу, то мы решили следующее:

\* Перевод с немецкого. — *Ред.*

\*\* неперемнным условием (*лат.*).

1) Квантен и Норденшёльд немедленно основывают в Финляндии тайную организацию, целью которой должно стать дисциплинирование общественного мнения, агитация в Финляндии, организация там восстания против русского владычества. Для этой цели мы уже вызвали одного друга из Финляндии в Стокгольм.

И так как мы должны все делать сообща и непременно доверять друг другу, ты должен принимать деятельное участие во всех обсуждениях. Что тем более необходимо, так как:

2) они должны добиться непосредственной связи финских организаций с Лондоном и Петербургом. Наш лозунг должен быть: *мы для них, они для нас, чтобы быть свободными друг от друга и друг с другом*. Петербург и Лондон должны предоставлять Финляндии всю возможную помощь как печатью, так и делом. Со своей стороны, Финляндия окажет нам неоценимую помощь во всем, что касается русской пропаганды и тайной корреспонденции с Петербургом и остальной Россией. — У меня было немного времени, и потому я мог заложить лишь первые камни этого важного предприятия. Твой долг будет состоять в том, чтобы систематически, смело и одновременно осторожно, с помощью финских друзей, распутать весь этот клубок. Поэтому ты должен оставаться в Стокгольме по меньшей мере два-три месяца. Ты в этом сам убедишься, ибо Швеция для нашего дела — неоценимая сокровищница.

3) Ты должен непременно вызвать какого-нибудь друга из Петербурга в Стокгольм. — Если бы я оставался там дольше, я сам бы это сделал. Сделай же это, не теряя времени, пока мир между вами не нарушен. Я дам тебе для этого ключ. Одна дама, настоящая дама, которой можно доверять и которую тебе рекомендуют Квантен и Норденшёльд, должна послать в Петербург следующую телеграмму:

Александр Штефен  
Санкт-Петербург, Васильевский остров,  
1-я линия  
Дом Фрике  
Бедная Кристина очень больна. Ждем Карла.  
Имя дамы. Стокгольм, улица и №.

Если вы из осторожности предпочитаете отказаться от Стокгольма, что также было бы правильно, то вы могли бы телеграфировать из какого-нибудь другого города, даже из Копенгагена. Тогда и там должен быть друг, которому можно было бы доверять и который бы дал телеграмму за вас.

Если кто-нибудь придет из Петербурга, то вам должны телеграфировать петербургские друзья обратно:

«Карл выезжает такого-то». И это всё.

Если никто не сможет приехать, то пошлите кого-нибудь из финнов в Петербург к ближайшим друзьям, чтобы через Финляндию и Стокгольм связать Петербург непосредственно с Лондоном.

М. Бакунин \*33.

Хотя Бакунин, писавший обычно, по словам Герцена, «письма-волюмы» (т. е. целые тома), считал свое послание к Герцену-младшему лишь «началом неоконченного письма», оно вместе с запиской к Квантену дает довольно ясное представление о фактической стороне дела, настроении самого автора и его политических планах.

Перечень лиц, которым Бакунин просит представить сына Герцена и о которых пишет ему самому, включает уже, в большинстве, знакомых нам финских и шведских политических деятелей. Это И. Я. Нордстрём, А. В. Бьёрк, Г. Лаллерстедт, А. Сульман, делегат рикстага Л. Ю. Ерта — сторонник унитарного объединения скандинавских стран. Если Сульман на протяжении всей деятельности Бакунина в Швеции был практически наиболее полезен ему в среде либерально и радикально настроенной шведской общественности, то с Лаллерстедтом связывались планы использования для сношений с петербургским подпольем стоящие вне подозрения корреспондентские каналы этого банкира и политика.

Особо выделяет Бакунин Д. А. Бильдта, генерала шведской армии, первого адъютанта короля, человека, имевшего самые широкие связи в придворных кругах. Его имя, но прежде всего сама просьба представить А. А. Герцена принцу Оскару — брату короля, а также самому королю Карлу XV и уверенность, что ему несомненно придется иметь с ними дело (Бакунин

\* Перевод с немецкого. — *Ред.*

*А. А. Герцену переплет книги посвященной отцом, в знак дружбы и искреннего союза поляк Чернецкий*

## СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.



ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW,  
POLISH LIBRARY, 10, GREEK STREET, SOHO.  
БОЛЬШАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ,  
62, JUDE STREET, BLENHEIM SQUARE.

1855.

*Моему сыну Николаю  
А. А. Герцену*

*Лозанна  
Рождество, 1888 г.*

СЫНУ МОЕМУ АЛЕКСАНДРУ

«С ТОГО БЕРЕГА». ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ. ПОСВЯЩЕНО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ

Лондон, 1855

Обложка и посвящение с дарственными надписями: «А. А. Герцену переплет книги, посвященной отцом, в знак дружбы и искреннего союза поляк Чернецкий»; «Моему сыну Николаю А. А. Герцен. Лозанна. Рождество, 1888 г.»

Публичная и Университетская библиотека, Женева

«Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе» (Герцен. Сыну Александру)

называет их в числе лиц, в общении с которыми сын Герцена не должен скрывать своего подлинного имени), усиливают достоверность сообщения С. Боот Холмберг, что Бакунин был принят королем и кронпринцем<sup>34</sup>. Бакунин не советовал А. А. Герцену выступать под своим собственным именем и передавал ему, как мы уже знаем, одно из своих конспиративных имен — Магнус Беринг<sup>35</sup>.

Самый тон обращения Бакунина к Квантону и Норденшёльду, содержание записки и письма свидетельствуют, что его бурная энергия устремлена была по приезде в Стокгольм главным образом на привлечение финской политической эмиграции к широкому и многостороннему сотрудничеству, вписывающемуся в широкие рамки русско-польского революционного союза. Бакунин шел по стопам Иордана, пользовался уже опробованными каналами, но ставил при этом совершенно иные политические цели. Он препоручает Герцену-сыну (и просит содействия в этом Квантена и Норденшёльда) довести до конца начатые Иорданом переговоры с книготорговой фирмой А. Боннье о транспортировке в Россию лондонских изданий. Но это лишь часть решения жизненно важной для Русского заграничного центра задачи — установления связей с Петербургом, с «Землей и волей» — связей, утраченных с началом восстания в Польше.

В полном своем объеме эта задача могла быть решена лишь в рамках русско-финской конспирации. Программа русско-финского сотрудничества предусматривала, как это вытекает из письма-инструкции Бакунина Герцену-сыну, обязательство со стороны финнов обеспечить связь с Петербургом и Лондоном, связать непосредственно между собой Русский заграничный центр с «Землей и волей», организовать транспортировку через северную границу России пропагандистской литературы. Со своей стороны русская революционная партия обязывалась содействовать финнам «печатью и делом». Об их политической программе Бакунин говорил в самой

общей форме: освободиться от Российской империи, стать независимыми, объединиться со Скандинавией. Зато со всей определенностью он говорит о средствах осуществления программы. Он пишет о достигнутой им с Квантемом и Норденшюльдом договоренности, в силу которой они немедленно основывают в Финляндии тайное общество, конечная цель которого — «организация там восстания против русского владычества». Но была ли эта договоренность фактически реализована? Что было сделано Квантемом и Норденшюльдом в этом направлении? Создали ли они такое общество? Исследователи истории финского общественного движения не располагают вполне установленными данными для ответа на эти вопросы. «Тайного общества, которое имело бы центральное руководство, четко сформулированную политическую и социальную программу, — такого общества в 1860-е годы, видимо, не существовало ни в самой Финляндии, ни среди финляндских эмигрантов в Стокгольме» — так склонен считать Э. Г. Карху<sup>36</sup>. В то же время выявленные факты о деятельности группы К. Квиста, к которой на первом этапе ее существования принадлежали и Квантец, и Норденшюльд, свидетельствуют о том, что к началу 1860-х годов группа, действуя в Гельсингфорсе, приняла, по существу, форму тайной организации. Она стремилась расширить свой состав за счет крестьян, вела агитацию в деревне, выступала с политическими требованиями созыва сейма, ограничивающего самодержавие, организовала на улицах Гельсингфорса в 1861 г. первую массовую политическую демонстрацию. Ведущие деятели группы — К. Квист, Х. Боргстрем, И. Альфтан — были избраны представителями сельского сословия в комиссию по подготовке созыва сейма, выступали в ней с критикой политики правительства, эту же линию проводили в печати<sup>37</sup>.

Все это дает основание для мотивированного заключения, что «группа создавалась на радикальной, буржуазно-демократической социально-политической платформе и начала активную политическую деятельность...»<sup>38</sup>. Несомненно, что именно группа Квиста (она склонялась в национальном вопросе к позиции свекоманов и поддерживала тесные политические контакты с Квантемом и Норденшюльдом) имелась в виду при переговорах Бакунина. Остается фактом, что договоренность о создании в Финляндии тайного общества была достигнута и были предприняты некоторые практические меры, связанные с ее реализацией: отсюда был «вызван друг».

Чтобы объективно оценить степень политического реализма, заключенного в письме Бакунина к сыну Герцена, сбросив при этом со счета его экспрессию и восторженное возбуждение, следует учесть время и ситуацию, когда оно писалось. Первоначальная растерянность, которая была вызвана срывом расчетов на согласованные действия армейской революционной организации — Комитета русских офицеров в Польше — и польских повстанцев, к марту сменилась новым приливом оптимизма в отношении перспектив русской революции. Одной из главных причин этого наряду с аграрными декретами повстанческого правительства было начавшееся в феврале крестьянское восстание в Белоруссии и Литве. Внимательно следивший за ходом событий Ф. Энгельс отметил это как «самое важное» для судеб польского восстания<sup>39</sup>. Так же оценивал перспективу борьбы и Огарев. Агитационно-пропагандистская деятельность Вольной русской типографии берет курс на призыв к революции. Созданная осенью 1862 г. бернская типография в феврале 1863 г. начинает впервые печатать агитационные материалы и прокламации (их автором был Огарев), обращенные к солдатам русской армии, офицерам, русскому народу. Они призывали к объединению сил с восставшей Польшей. Опубликованная 15 марта 1863 г. в «Общем вечае» — издании, обращенном к демократическим массам России, — статья Огарева «Слово правды» оповещала о создании в России тайного общества и призывала примыкать к нему ввиду приближающейся «слушной поры».

Действия руководителей Русского заграничного центра, всю направленность их пропаганды, предпринимаемые ими организационные меры, нацеленные на мобилизацию сил русской революционной эмиграции, контакты с «Землей и волей», с руководителями и деятелями польского восстания питало убеждение в близости революции в России. Выразительное свидетельство о настроении издателей «Колокола», о размахе предпринимавшихся ими организационных и практических действий в начале весны 1863 г. содержит написанное Герценом почти в те же самые дни, когда Бакунин писал его сыну, письмо к В. И. Касаткину, помеченное 27 марта. По форме и содержанию это тоже своего рода инструкция — инструкция доверенному представителю Лондонского центра по поводу бернской типографии, созданной специально для расширения его издательской базы в связи с польскими событиями. «Печатайте без счета, а коммуникации будут скоро восстановлены», — писал Герцен Касаткину. В письме шла речь о прокламациях, предназначенных для отправки в Польшу, о бланках для окружных комитетов «Земли и воли», о пересылке их в Москву, Харьков, Киев, об оперативной переписке с Краковом и связи с Вар-

шавой, об отправлении волонтеров, о денежных средствах для восставших. Герцен делится со своим адресатом самыми радужными прогнозами: «Революция не только не погасла, но увеличилась, вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром. Литовская партия ожидает весны, а в Австрии организуются новые отряды, ведь границу не обнесут частоколом, перевоз оружия, а главное — пропаганда будет продолжаться <...> Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. — С весною это примет настоящие размеры». В этом же письме Герцен сообщал Касаткину: «Мы приобрели союзников, и между ними есть лицо очень значительное, которое обещало содействовать...» (XXVII, 300—304). Весьма возможно, что он имел при этом в виду ту же информацию, что и в приведенном выше письме — инструкции Бакунина Герцену-сыну. В несохранившихся мартовских письмах из Стокгольма Бакунин сообщал Герцену и Огареву о продвижении их общих дел в Швеции. Все основные факты о знакомствах Бакунина в среде финской эмиграции и о переговорах с их представителями им были известны. Учитывая их, они могли строить практические расчеты, основанные на политическом союзе с деятелями финского национального движения. Вслед за письмом Касаткину, столь выразительно говорящим об отношении Герцена к польскому восстанию и связанными с ним перспективами революции в России, он пишет на следующий день в Стокгольм Квантену:

28 mars 1863. Londres  
Orsett House, Westbourne Terrace

Monsieur,

Notre ami M. B. a dû quitter si hâtivement Stockholm, que je prends la liberté de m'adresser à vous directement. Je n'ai pas l'avantage de vous connaître personnellement — mais j'ai celui de vous connaître parfaitement bien par B. L'accueil que vous lui avez fait, nos sympathies communes — me font espérer que vous recevrez assez bienveillamment ma lettre et que vous nous donnerez une réponse — sans la faire trop attendre.

B. parlait dans sa lettre de deux choses, l'une concernant l'envoi de nos éditions au libraire A. Bonnier — nous l'avons déjà fait par l'intermédiaire de son correspondant Longman à Londres et nous attendrons ses commandes ultérieures.

La seconde chose a aussi une très grande importance. B. nous a écrit sur la possibilité d'établir des rapports intimes entre vos compatriotes et nous, il parlait encore d'un projet de voyage d'un de ses amis en Finlande. Je serais prêt à aller moi-même à Stockholm — mais je pense que mon fils pourra me remplacer parfaitement — et son voyage n'aura pas l'inconvenance de retarder nos travaux. J'attendrai votre lettre (ou un télégramme) — pour l'envoyer, en le recommandant à votre appui fraternel. C'est un jeune homme de 24 ans — il possède *toute notre confiance*, même sous le rapport de la plus grande discrétion. Si ma présence était tout à fait nécessaire — je pourrais venir après. Je vous pris de m'écrire. Nous pensons en outre d'instituer à Stockholm une imprimerie russe — pour y transporter une partie de notre besogne.

En attendant votre réponse je vous prie d'accepter les salutations les plus amicales de la part de mon ami et collègue N. Ogareff, ainsi que de la mienne.

Alexandre H e r z e n

P.S. Si par hasard vous savez quelque chose sur le succès du voyage de B. — dites-le nous.

Sollten Sie vorziehen die deutscher Sprache, schreiben Sie uns deutsch — wir verstehen die Sprache — wie auch englisch. Erlauben Sie uns auch Ihren Freunde zu begrüßen.

Ganz der Ihrigen.

Adr(esse): A. Herzen. London  
Orsett House, Westbourne Terrace  
Dass für ein Telegramme.

J'ai écrit à Bruxelles pour qu'on vous envie *La Cloche* <sup>40</sup>.

П е р е в о д:

28 марта 1863 г. Лондон  
Orsett House, Westbourne Terrace

Милостивый государь,

Наш друг М. Б.\* вынужден был так поспешно выехать из Стокгольма, что я беру на себя смелость обратиться непосредственно к вам. У меня нет возможности познакомиться с вами

\* Здесь и ниже инициалы М. Б. и Б. означают М. А. Бакунина. — *Ред.*

лично — но я прекрасно знаю вас через Б. Прием, который вы ему оказали, наши общие симпатии дают мне основание надеяться, что вы достаточно благосклонно примете мое письмо и дадите нам ответ, не заставляя слишком долго ждать.

Б. говорил в своем письме о двух вещах, одна насчет посылки наших изданий в книжную лавку А. Боннье — это мы уже сделали при посредничестве его корреспондента Лонгмена в Лондоне, и мы будем ждать его последующих заказов.

Вторая вещь также очень важна. Б. писал нам о возможности наладить близкие отношения между вашими соотечественниками и нами, он говорил также о проекте поездки одного из своих друзей в Финляндию. Я бы сам готов поехать в Стокгольм — но думаю, что мой сын отлично сможет заменить меня, а его поездка не вызовет неудобства, связанного с задержкой в наших трудах. Буду ждать вашего письма (или телеграммы), чтоб отправить его к вам, поручая его вашей братской поддержке. Это молодой человек 24 лет — он пользуется *полным нашим доверием* и даже в наиболее секретных делах. Если все же мое присутствие оказалось бы совершенно необходимо, я мог бы приехать позже. Прошу вас написать мне. Мы думаем, кроме того, устроить в Стокгольме русскую типографию — чтобы переслать туда часть нашей работы.

В ожидании вашего ответа прощу принять самый дружеский привет от моего товарища и коллеги Н. Огарева, так же как и от меня.

Александр Герцен

P. S. Если вы случайно знаете что-нибудь об успехе путешествия г. Б., скажите нам это.

Sollten Sie vorziehen die deutsche Sprache, schreiben Sie uns deutsch — wir verstehen die Sprache — wie auch englisch. Erlauben Sie uns auch ihren Freunde zu begrüßen.

Ganz der Ihrigen \*.

Адрес: А. Герцен, *Лондон*  
Orsett House, Westbourne Terrace  
Das für ein Telegramme \*\*

Я написал в Брюссель, чтоб вам посылали «Cloche»<sup>40</sup>.

Как видим, переговоры с А. Боннье, одним из крупнейших шведских книготорговцев и издателей, вступили в стадию реализации. Из писем Герцена известно, что вплоть до июня 1863 г. на имя Боннье шли из Лондона ящики с изданиями Вольной русской типографии. Герцен сообщал Бакунину точные расчеты и условия торгового соглашения, поручая ему посредничество в этом деле (XXVII, 316). Письмо свидетельствует также о том, что Герцен связывал поездку своего сына в Швецию, а если будет необходимость, и собственную поездку для координации усилий с финскими демократическими деятелями. Подчеркнутые Герценом слова о полном доверии даже в самых секретных делах, которым пользуется его сын, могут служить прямым свидетельством о причастности А. А. Герцена к «Земле и воле». В этом письме содержится первое заявление о намерении руководителей Лондонского пропагандистского центра организовать типографию в Стокгольме (как это было уже сделано в Берне). Создание типографии в Стокгольме, помимо удовлетворения возросших потребностей в издании пропагандистской литературы, должно было служить еще одной задаче: печатанию в безопасном месте и в непосредственной близости от русской границы изданий «Земли и воли» (см. XXVI, 319).

Письмо Герцена было помечено тем же числом, что и прощальная записка Бакунина к Квантену — 28 марта — днем отплытия «Ward Jackson» из Гельсингборга. Герцен с нетерпением ждал известий «о путешествии г-на Б.».

Между тем, как известно, экспедицию Лапинского постигла неудача. Неудачи преследовали ее с самого начала из-за неумелой конспирации. И уже в Мальме, когда туда прибыл «Ward Jackson», шведское правительство, не желая содействовать открытой военно-революционной операции против России, задержало пароход и интернировало польский отряд. Он оставался здесь более двух месяцев. Предпринятая 11 июня попытка достичь берегов Литвы на датской шхуне окончилась трагически: часть отряда, высаженная в шлюпки близ взморья у Паланги, была потоплена бурей. Экспедиция так и не достигла своей цели, и немногие из оставшихся в живых участники были распущены.

Но Бакунина уже не было при последних драматических событиях. Сразу же после интернирования отряда ему удалось покинуть Мальме, и 2 апреля он вернулся в Стокгольм<sup>41</sup>. Для

\* Если вы предпочитаете немецкий язык, то напишите нам по-немецки — мы понимаем этот язык, равно как и английский. Передайте также наш привет вашему другу. Всецело ваш (нем.).

\*\* То же для телеграммы (нем.).

Frau  
A. Herzen sen.  
10 Avri 1863 Orsettkon  
Westbourn Ter,  
Monsieur,  
Je m'adresse encore une  
fois à vous sans avoir reçu  
la réponse à la lettre que  
je vous ai écrite il y a une dizaine  
de jours.  
Depuis ce temps mad. B. est  
partie pour Stockholm et Behring  
nous laisse dans l'ignorance absolue  
de ce qui se fait. Il me semble  
qu'il est à Stockholm. Mais  
je ne sais pas. Je crains qu'en cas  
de son départ. Nous avons reçu  
hier un télégramme — par lequel  
il invite — moi ou mon fils —  
sans expliquer pourquoi. Veuillez, Monsieur,  
prendre la peine et dire à Behring  
que je demande une  
lettre catégorique ou, s'il n'y  
est pas, prendre la peine de me dire un mot.

prendre la peine de me dire un  
mot. Mon fils est indisposé  
— dans 3 ou 4 jours il peut  
partir.  
Nous sommes arrivés  
Mad. B. est arrivée heureuse  
meurt au port. Elle est partie  
de 1 Av. de Londres.  
Recevez, Monsieur, avec  
un. foi des excuses et  
mes salutations les plus  
distinguées  
A. Herzen

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ЭМИЛИУ КВАНТЕНУ

Автограф, Лондон, 10 апреля 1863 г.

Наверху слева помета Квантена: «Frau A. Herzen sen(ior)» («От Герцена стар(шего)»)

Шведская королевская библиотека, Стокгольм

него было очевидным, что непосредственное личное участие в польском деле становится все более проблематичным. Это вытекало не только и не столько из неудачи экспедиции Лапинского, сколько из отношений, сложившихся у него с поляками, в частности с представителем Временного национального правительства в Лондоне Ю. Цверцякевичем<sup>42</sup>. Оставалась возможность лишь косвенным путем содействовать делу соединения польской и русской революций. Широкие перспективы для этого, по убеждению Бакунина, открывало финское национальное движение, скандинавизм в целом. И он с головой уходит вновь в стокгольмские дела. Это обстоятельство привлекло к себе самое пристальное внимание русских правительственных агентов в Швеции. Но они уже стояли перед свершившимся фактом<sup>43</sup>.

Герцен первое время оставался в неведении относительно местопребывания Бакунина. Не получив от Квантена ответа на свое обращение, он вновь пишет ему (обозначая Бакунина псевдонимом *Беринг*):

(Londres.) 10 avril 1863. Orsett House  
Westbourne Terrace

Monsieur,

Je m'adresse encore une fois à vous sans avoir reçu la réponse à la lettre que je vous ai écrite il y a une dizaine de jours.

Depuis ce temps mad(ame) B. est partie pour Stockholm, et Behring nous laisse dans l'ignorance absolue de ce qui se fait. Il me semble qu'il est à Stockholm. Mais je ne voulais venir qu'en cas de son départ. Nous avons reçu hier un télégramme — par lequel il invite — moi ou mon fils — sans expliquer pourquoi. Veuillez, monsieur, prendre la peine et dire à Behring que je demande une lettre catégorique ou, s'il n'y est pas, prendre la peine de me dire un mot. Mon fils est indisposé — dans 3 ou 4 jours il peut partir.

Nous voudrions savoir si m-me B. est arrivée heureusement au port. Elle est partie le 1 av<ril> de Londres.

Recevez, monsieur, encore une fois mes excuses et mes salutations les plus sympathiques.

Al. H e r z e n <sup>44</sup>

П е р е в о д:

(Лондон.) 10 апреля 1863 г.

Orsett House

Westbourne Terrace

Милостивый государь,

Я вновь обращаюсь к вам, не получив ответа на письмо, которое написал вам дней десять тому назад.

С той поры г-жа Б. уехала в Стокгольм, а Беринг держит нас в полном неведении о том, что делается. Мне кажется, что он в Стокгольме. Но я хотел туда ехать *только в случае* его отъезда. Мы получили вчера телеграмму, в которой он приглашает — меня или моего сына — не объясняя почему. Благоволите, милостивый государь, взять на себя труд передать Берингу, что я прошу прислать мне решительное письмо или, если его там нет, взять на себя труд сказать мне хоть одно слово. Мой сын немного нездоров — через 3 или 4 дня он сможет выехать.

Мы хотели бы знать, благополучно ли добралась г-жа Б. Она выехала 1 апр(еля) из Лондона.

Примите еще раз, милостивый государь, мои извинения и самый сердечный мой привет.

Ал. Г е р ц е н <sup>44</sup>

Ссылка на нездоровье сына прикрывала причину совсем иного рода: Герцен-младший отправился в очередную поездку с конспиративным заданием в Париж (см. XXVII, 300). Но уже на следующий день, 11 апреля, Герцен писал дочерям: «Саша собирается в Швецию»; 20 числа он сообщал им, что поездка состоится, «может, на следующей неделе...» (XXVII, 310). По-видимому, тогда же в Лондоне было получено письмо Бакунина от 31 марта, которое писалось в несколько приемов и было отправлено лишь 15 апреля (см. XXVII, 311). Из этого письма Герцен понял, что бакунинское требование срочного приезда его самого или же его сына было просто напрасной суматохой. И Герцен, и Огарев ставили теперь отъезд Александра Александровича в Швецию в прямую связь с перспективой европейской войны вследствие демарша Англии, Франции и других европейских держав в поддержку Польши <sup>45</sup>. Вопреки Бакунину, считавшему допустимым использование войны в революционных целях, Герцен и Огарев категорически исключали подобную позицию: «идти с Наполеоном» и «двадцати языцами» означало бы стать «неприятелем русского народа» (XXVII, 311). «Если будет война,— писал Огарев Бакунину,— то нам ничего не остается, как переждать ее, ибо вмешаться с этой стороны и самому противно и совершенно кредитоподрывательно» (XXVII, 311—312). Кроме того, поездка сына Герцена в Стокгольм связывалась также с дальнейшей судьбой экспедиции Лапинского (см. XXVII, 305, 311), ибо от этого зависело, останется ли Бакунин в Швеции или вновь присоединится к экспедиции, чтобы отправиться в Литву. Именно в эти дни, между 21 и 28 апреля, Огарев работает над пространной запиской («Три вопроса...») — для отъезжающего в Стокгольм Герцена-младшего (29 апреля помечено письмо Герцена к Огареву, содержавшее замечания на эту записку, — финское письмо). Эта записка должна была служить ему ориентиром во взаимоотношениях с финнами.

Инструкция Огарева учитывала изменения, которые произошли в политической ситуации к концу апреля 1863 г. Не оправдались расчеты на подъем к весне массового крестьянского движения в России. Польское восстание с присоединением к нему партии «белых» все определеннее принимало преимущественно националистический характер, хотя еще оставались неясными дальнейшие возможности движения в Литве, где под руководством Э. Сераковского в борьбу все шире втягивались массы крестьянства. Огарев предусматривал и возможные повороты в ходе событий. Он считал, что, поскольку европейская война в поддержку Польши пока не возникла, русская революционная партия могла продолжать работу по налаживанию русско-финского сотрудничества для общей борьбы с царизмом. Но сотрудничество это должно было иметь своей целью не организацию немедленного выступления против царизма, как это мыслилось еще недавно. Речь шла теперь о «союзе на серьезную подготовку общего восстания через два, три, четыре года, т. е. тогда,— писал Огарев,— когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены. В этом случае Швеции остается тайное покровительство всего, что мы с финнами будем устраивать...».

В те же самые дни, когда Огарев работал над запиской «Три вопроса...», Бакунин пишет от имени общества «Земля и воля» послание к финским демократам. Он призывает их присоединиться к революционному союзу России и Польши в общей борьбе с царизмом:

25 апреля 1863 г. Стокгольм

Я убежден, что пора всем нам стовориться. Мы не должны терять ни минуты, ибо события разворачиваются с поразительной быстротой и у нас едва останется время хотя бы на то, чтобы прийти к взаимному согласию и подготовиться. И мы должны действовать сообща, рука об руку, так как у нас одни и те же интересы. Вы хотите, господа, свободы и полной независимости вашей родины. Мы хотим того же, искренне, полностью признавая за Финляндией неоспоримое право распоряжаться собой, право на отделение от Российской империи с тем, чтобы либо остаться одной, независимой от всех своих соседей, либо присоединиться к такой политической системе, которая ей понравится. Признание этого права — для нас логическая необходимость, потому что наш принцип — принцип свободы во что бы то ни стало, полной свободы без условий и ограничений. Это даже более чем разумное следствие, это диктуется положением. Мы никогда не сможем сами стать свободными, пока централистское и насильственное учреждение, именуемое Российской империей, будет существовать. Мы глубоко и решительно ненавидим эту систему, поработившую нас, чтобы сделать из нас орудие завоевания. Мы жертвы этой системы, так же как и вы, и мы не сможем освободиться от нее, не избавляя вас. Ниспровержение, полное разрушение этой основанной на насилии империи, называемой Российской, хотя она в своей сущности немецкая империя, освобождение всех провинций и всех народов, русских и нерусских, испытывающих ее гнет, свободы всех с правом каждого самоопределяться и распоряжаться собой согласно своим желаниям, своим нуждам, своей природе — такова наша практическая цель, таков наш принцип, во имя и для торжества которого мы заключили союз с нашими польскими братьями; *финны, наши соседи и жертвы той же системы, — разве они не присоединятся к нам?*

Момент благоприятен. Эта искусственная, чудовищная империя, существующая только благодаря коварству, коррупции и насилию, трещит по всем швам, глубоко распатанная в самой основе. Необходимо покончить с ней. Поляки показывают нам благородный пример. Последуем ему. Устав переносить унижения и мучения, черпая свою силу в своем отчаянии, они поднялись безоружные и ныне противостоят армии царя, бессилie которой они вскрыли. Их движение, вначале слабое, беспорядочное и ограниченное той территорией, которая на дипломатическом языке называется Королевством Польским, принимает сейчас всеобщий народный характер и, распространяясь на все другие польские провинции, глубоко потрясает Польшу в ее прежних границах до прежних границ России, до Двины и Днепра. Оно не остановится там, так как русский народ, столь же уставший от рабства и не ожидая больше ничего от императора Александра, ждет только сигнала к восстанию.

В последние годы в Европе, полагаю также и в Финляндии, много говорили о так называемых благодеяниях теперешнего императора, о реформах, которые он якобы предпринял для цивилизации и освобождения своих народов, а также в целях содействия материальному прогрессу. Люди позволили обмануть себя словами и приняли за поступки обещания и фразы, которыми это лицемерное, в корне неисправимое правительство, умерившее свою спесь после победы иностранных армий, вынуждено было воспользоваться после спасительной Крымской катастрофы, чтобы скрыть от мира подлинность своих дурных намерений. Мы, инакомыслящие русские, — мы не дали себя обмануть. Мы хорошо знали, что это правительство, вся императорская система, основанная исключительно на угнетении и зле, не способна на добро, не способна даже на помыслы о нем, и еще более не способна его осуществить, даже если каким-то чудом подобные помыслы могли бы зародиться у нее. Государство это насковозь немецкое, условием и основой существования его является полное отрицание всего, что называется правом, свободой, человечностью. У него нет другой цели, другой функции и других возможностей, как только порабощение внутри страны и завоевание вне ее, то есть зло в самом широком смысле слова. Итак, чтобы делать добро, императорская система должна была бы начать с разрушения самой себя. Но никогда зловредная власть не уничтожала самое себя. Необходимо, чтобы мы пришли ей на помощь.

Катастрофа в Крыму была большим счастьем для России. Она пробудила Россию от мертвого сна, на который обрек ее Николай. Она позволила ей дышать свободнее, заставив пошатнуться здание варварского деспотизма, воздвигнутое мощной рукой царя Петра и давившее в течение целого века на страну, как ужасный кошмар. Последствия этой губительной войны, по-

кончившей с императорским престижем и всемогуществом, не только не огорчили народ, напротив, Россия почувствовала себя как бы возрожденной.

Империализм пал, но русский народ начал новую жизнь. Стихийная радость, охватившая все население, вера и новые надежды, внезапно загоревшиеся во всех сердцах по всей территории империи, резко отличались от мрачного уныния официального мира и доказали, что между империализмом, обреченным на гибель, и нацией, призванной к великому будущему, нет ничего общего.

Однако был момент, когда сама власть, вновь обретя надежду и мужество, как будто намеревалась присоединиться к этому естественному порыву и вступить на путь справедливости и свободы. Говорили о реформах, об освобождении, признавали открыто прошлые ошибки, сваливая их, впрочем, на голову императора Николая, вчера еще объекта почитания, лести и страха, а сегодня преданного хуле и презрению. Юный император, неповинный в ужасном прошлом, сердце которого, казалось, было переполнено чувством справедливости, уважения к людям и любви, занял престол, обещая золотой век. Увы! Иллюзии были очень недолгими. Император Александр не злой человек. Его склонность к лени и сластолюбию влекла его, естественно, к доброжелательному отношению к людям и веселой жизни. Ему хотелось бы угодить всем недорогой ценой и увидеть себя обожаемым, не утруждая себя. Опыянный всемогуществом, которым он был вдруг облечен, он одно время вообразил себя призванным возродить Россию, не понимая, что, будь он даже человеком гениальным и высокой души, он все же был бы скован и парализован по самой природе своей порочной власти, препятствующей в самой своей сущности любому подлинному и здоровому развитию нации. У него, скудоумного, малообразованного, способного лишь на мелкие чувства, зародилась весьма странная идея: провести необходимые реформы и освободить народы, находящиеся под его гнетом, сохраняя во всей неприкосновенности самодержавие; установить честность в администрации и справедливость в суде, ограждая повсюду произвол министров и высших чиновников; дать крестьянам свободу, оставляя их прикрепленными к земле, дать им землю без права собственности, наконец, заставить поляков обожать его и прослыть восстановителем и благодетелем Польши, одновременно продолжая придерживаться варварской, святотатственной системы императора Николая. — Одним словом, предстать в роли освободителя, не поступаясь ни малейшей частицей тиранической и зловредной власти, унаследованной им от отца. Это была жалкая иллюзия разнузданного воображения, убогая фантазия недалекого ума. Он должен был, разумеется, потерпеть неудачу и в конце концов понять, что задуманные великие реформы были несовместимы с самыми условиями его власти. И он отказался от них, чтобы сохранить ее. Вот в нескольких словах вся его история. Ныне он стал более деспотичным, более жестоким тираном, чем когда-либо был император Николай. Тирания Николая была неумной, но железной, верившей в себя. Тирания Александра — это тирания слабости и малодушия. Он трусит и не без основания, так как дни его царства сочтены. Он и его династия, а вместе с ними вся императорская система осуждены на гибель.

Великие перемены уже произошли в русском народе. Тот, кто знал этот народ лишь во времена императора Николая, не узнал бы его теперь. Он взял все то, что ему были вынуждены даровать, но не удовлетворился этим. Он никогда не шел на уступки императорской власти и никогда не прекращал борьбы с нею. Именно об этой упорной борьбе русского народа против официальной России, против императорской России совершенно не знают за границей; эта борьба началась задолго до Петра, еще в царствование его отца, царя Алексея, и никогда не прекращалась вплоть до наших дней. Жертвы этой двухвековой борьбы должны исчисляться не сотнями, не тысячами, а сотнями тысяч. Эта борьба была покрыта мраком и оставалась неизвестной до сих пор, ибо она велась в глубинных слоях народной жизни, но она полна драматизма, и ее необходимо знать, чтобы правильно понимать происходящее сегодня в России. Громадное большинство русской нации никогда не соглашалось с тем, что называют реформами царя Петра, ни с немецкой чужеродной цивилизацией, насильственно введенной им в России. Идея Петра была следующей: он хотел создать великое государство, на манер немецкого, даже скорее прусского, основанного на насилии как внутри страны, так и за ее пределами, военное, бюрократическое и способное завоевать половину Европы. А ведь это, как ничто более, противоположно русскому духу, не воинственному, не стремящемуся к завоеваниям и охотно довольствующемуся примитивной свободой общинной жизни, который никогда не создал бы по собственной воле то, что называют Российской империей. Эта империя и вся эта бюрократическая, немецкая, официальная Россия, являющаяся ее плотью, — предмет глубокой непримиримой ненависти русского народа, и не без бунта Россия позволила надеть на себя эту смирительную рубашку. Эта битва

не на жизнь, а на смерть между народом варварским — если угодно, — по чувствующим себя настолько самобытным, чтобы развиваться по-своему, и этой императорской чужеземной системой, русской только по имени, приняла с самого начала характер религиозной борьбы. Вы, конечно, слышали о наших раскольниках, ярых врагах официальной церкви. Они враги не только церкви, они, кроме того и главным образом, враги государства, слепым и раболопным орудием которого является и сама эта церковь. Борясь против Святейшего синода, они борются с императором, и они борются с ним во имя свободы общин и автономии провинций, составлявших до Петра основу русской национальной жизни. Император для них — антихрист, а его империя, вся эта бюрократическая, военная организация, все привилегированные сословия — для них орудие угнетения — царство дьявола. И не без основания наши цари, начиная с Алексея и до наших дней, преследовали раскольников с ожесточением, которое может сравниться лишь с жестокостью римских императоров по отношению к первым христианам. Цари прекрасно поняли, что раскольники представляли величайшую опасность для чудовищного немецкого государства, основанного Петром на крови и обломках национальной жизни. Ничто не может дать надлежащее представление о варварских преследованиях, которым подвергались эти бедные верующие в течение всей двухвековой борьбы. Начиная с Алексея не проходило, наверно, и года, чтобы тысяча, что я говорю, несколько тысяч раскольников не истреблялись пулями и штыками солдат или не погибали под кнутом палачей. Целые деревни сжигались, уничтожались, тысячи женщин и детей гибли в лесах, где они укрывались от императорского варварства, сотни тысяч сосланных в Сибирь умирали на полпути — от холода, голода и плохого обращения, — все это из-за общеизвестной «честности и гуманности» русских чиновников, из-за этого великолепного пренебрежения к жизни ближнего, составляющего отличительную черту всей нашей императорской администрации. Все же, несмотря на все эти ужасы, русские раскольники полностью сохранили свою силу. Преследования, как всегда и везде, не сломили их, а увеличили их число. И император Николай, этот деспот из деспотов, этот идеал тирана и, безусловно, самый неумолимый враг и самый ожесточенный преследователь сектантов, совершавший чудеса жестокости при их истреблении, был вынужден в конце своего царствования во всеуслышание признать, что он оказался бессильным против раскольников. Сегодня, по официальной статистике, насчитывается около пятнадцати миллионов раскольников. Они представляют собой самую жизненную, самую энергичную и самую мыслящую партию русского народа. Верные старинным традициям, они требуют сегодня, как и прежде, но с еще большей настойчивостью, чем когда-либо, свободы, полной свободы для народа и земли для него, т. е. эмансипации общин, владеющих землей и самоуправляющихся при помощи выборных лиц, полное уничтожение всякой бюрократии и всей этой немецкой организации империи, административной автономии провинций, и вместо этого гнусного централистского государства — федерацию провинций. Таков идеал, такова народная воля. Такова также программа тайного общества, распространяющего свою организацию на всю империю и охватывающего все классы, начиная с молодой и мыслящей части дворянства до последнего крестьянина. Тысячи преданных людей всех классов — дворян, буржуазии, крестьян, священников, артистов, ремесленников, крупных и мелких военных и гражданских чиновников — входят ныне в это могущественное общество, начертанное на своем знамени два символа народной веры: «Земля и воля».

Я обращаюсь к вам, господа, от имени этого общества, которое дало мне право представлять его за границей, право, которое я разделяю с моими лондонскими друзьями Герценом и Огаревым. Я полагаю, что ясно изложил наши взгляды и политическую цель. Попытаюсь еще раз сформулировать все это в нескольких словах.

1. Мы хотим полного и всеобщего разрушения Российской империи, так как мы глубоко убеждены, что существование этой империи, основанной на варварском угнетении, на систематическом и абсолютном отрицании национальной жизни и способной держаться только благодаря насилию как внутри страны, так и вне ее, несовместимо со свободой. Мы, следовательно, враги этой империи, но не как изменники, а как патриоты, так как, будучи сорокамиллионным народом великороссов, мы чувствуем в себе достаточно сил, чтобы не нуждаться ни в коварстве, ни в насильии, ни в чужой собственности для обеспечения себе достойного существования. В противовес императорской централизации, мы — федералисты, не по капризу, не по чрезмерному увлечению какой-либо теорией, но потому, что это диктуется самим нашим положением, ибо суровый опыт двухвековой борьбы доказал нам, что бюрократическая система делает невозможным свободное развитие сил и жизни народа.

2. Требуя свободы для нас самих, мы требуем ее и должны ее требовать для всех наших

соседей, особенно для тех из них, которых завоевательная политика Санкт-Петербурга насильственно соединила с нами. Мы не только признаем право Финляндии, Латвии, Польши, Литвы, Украины и Малороссии, Бессарабии, Грузии и всего Кавказа на свободное и независимое от нас существование, но мы хотим помочь им завоевать эту свободу. Мы этого хотим как из чувства симпатии, так и по необходимости, ибо, находясь под одним и тем же игом, мы должны объединить наши усилия, чтобы сбросить его. Освобождая себя, мы непременно освобождаем вас, и наоборот. В этом духе мы заключили союз с революционной Польшей, и в этом же духе мы предлагаем вам нашу помощь.

3. Мы твердо убеждены, что пробил час для императорской династии и что близко падение империи, угнетавшей Север в течение двух веков. Мы считаем, следовательно, что настоящий долг каждого народа, входящего в эту империю, подумать о своем будущем и подготовить его. Горе тем, кто спит, горе тем, кто позволил ослепить себя кажущимся могуществом этой отмирающей империи, горе тем, кто предвидит неизбежность падения и кто не встретит его бодрствующим и подготовленным. Они будут раздавлены под ее обломками. Мы надеемся, что финны тоже настороже, что они верят нам и что они протянут нам руку.

4. Нам хотелось бы заключить подлинный и тесный союз с ними, имеющий целью наше общее освобождение. Как ближайшие соседи, объединенные гнетом общего господина, мы можем, мы должны оказывать помощь друг другу в борьбе против него. Основы предлагаемого союза таковы:

А) Мы признаем открыто и от всей души, без ограничений и оговорок, право финского народа на полную независимость, и мы чистосердечно и всеми способами поможем ему освободиться от нас, чтобы установить у себя такую форму правления и войти в такой союз или в такую политическую организацию, какую он желает. В будущем мы единственно ждем от него добрососедских отношений, основанных на полной независимости и на уважении наших взаимных свобод.

Б) Взамен мы просим помочь нам всеми средствами низвергнуть империю С.-Петербурга. Финны могут помочь нам немедленно, во-первых:

а) Начав активную пропаганду в своей стране, пропаганду, конечно направленную против С.-Петербурга, в соответствии с польским и русским революционным движением. Впрочем, они должны ее вести ради самих себя, если только они хотят что-нибудь предпринять. Что касается Польши и нас, то мы извлечем из этого ту крупную выгоду, что правительство С.-Петербурга, боясь финского движения, будет вынуждено раздробить свои силы. Дерзайте, господа! Это правительство, напуганное до мозга костей, но надеющееся еще обмануть мир своей деланной смелостью, уступит вам во многом. Но не останавливайтесь на полпути, в особенности не давайте обмануть себя пустыми обещаниями, используйте каждую уступку, вырванную вами у правительства, чтобы потребовать новых. Дерзайте и берите побольше. Пора взять все! И не забывайте, что мы вам поможем.

б) Вы можете помочь нам и в то же время самим себе, ведя пропаганду среди эстонских и латвийских крестьян Ливонии, Эстонии и Курляндии. Не может быть, чтобы среди ваших друзей не нашелся кто-нибудь говорящий на этих языках. Поэтому пишите, печатайте брошюры или присылайте их нам, чтобы мы могли их напечатать в Стокгольме, посылайте проповедников свободы и национальной независимости к этим крестьянам, ненавидящим немецких баронов, присутствие которых бесчестит эти страны. Помогите нам поднять там восстание.

в) Вы можете также помочь нам, распространяя наши пропагандистские издания в России либо через С.-Петербург, либо через прибалтийские провинции, либо через Олонецкую губернию. Вы можете помочь нам установить постоянные связи между С.-Петербургом, Стокгольмом и Лондоном.

г) Для того чтобы ваша деятельность была более плодотворной, вам нужно также объединиться в тайное общество. Создайте Центральный комитет из пяти, семи или даже десяти лиц, служащий центром всей финской конспирации и придающий регулярный, гармоничный и единый характер всей работе финского союза. Затем, после того как вы создадите свою организацию, свяжитесь с Временным польским правительством, с Лондоном через Стокгольм и с С.-Петербургом. Организуйте пути сообщения и пункты для перевозки писем, печатных изданий и отдельных лиц по всей Финляндии безусловно верными, безусловно осторожными и безусловно преданными людьми — особенно на пути из Стокгольма в Петербург через Або и Гельсингфорс, чтобы иметь возможность расстроить планы русской шпионской службы, которая, несомненно, будет становиться с каждым днем все более подозрительной, более придирчивой и более тирани-

ческой. Установите между всеми нами возможно более регулярную систему сообщения. Это самая насущная необходимость.

д) Податель сего письма снабдит вас также всеми необходимыми адресами для связи вас с Стокгольмом и через него с Лондоном. Кроме того, он доставит вам все необходимое для установления постоянной связи с Центральным комитетом «Земли и воли» в С.-Петербурге.

А теперь, господа, мне остается только выразить надежду, что вы примете это письмо с такими же искренними чувствами, какими оно было продиктовано, и что вы не откажетесь заключить с нами союз, столь же необходимый для нашей свободы, как и для вашей.

Надеюсь также, что вы не замедлите с ответом.

От имени общества «Земля и воля»

М. Бакунин \*46

Как мы видим, в отличие от руководителей Русского заграничного центра, Бакунин полностью игнорировал конкретную политическую ситуацию, положение дел в России и Польше. Его позиция в финском вопросе с марта 1863 г. не претерпела никаких изменений. Бакунин уверен, что русский народ «ждет только сигнала к восстанию». Вопреки истине Бакунин уверяет финнов, что движение в Польше «принимает сейчас всеобщий народный характер», и он призывает их использовать благоприятный момент. В то время как Огарев делал ставку на общую длительную подготовительную работу, Бакунин звал к немедленному действию. Он полон нетерпения и стремится внушить то же своим адресатам. «Мы не должны терять ни минуты», — подстегивает их Бакунин.

И в оценке готовности русского народа к восстанию, и в характеристике Российской империи, которая, по его словам, «существует только благодаря коварству, коррупции и насилию, трещит по всем швам, глубоко расшатанная в самой своей основе», выявляла себя не только присущая Бакунину политическая безответственность. Эти оценки и представления были связаны со всей системой его философско-исторических воззрений, которые дали теоретическую основу уже вынашивавшейся им анархистской доктрине. Авантюризм Бакунина был тем опаснее, что в его политических заявлениях и действиях соединились установки, отражавшие подлинные позиции русской революционной партии, с его собственными стремлениями и безудержными измышлениями. Сказанное относится и к его призыву, адресованному финским демократам, подыать немедленно на восстание прибалтов — крестьян «Ливонии, Эстонии и Курляндии», испытывавших двойной гнет: немецких землевладельцев и русских чиновников — и действительно рассматривавшихся «Землей и волей» как потенциально взрывчатый для русского царизма район. Однако призыв к немедленному восстанию был собственной инициативой Бакунина. Это относится и к характеристике, данной им старообрядчеству, которому он безоговорочно приписывает требования, прямо сближающие это религиозное течение с программой общества «Земля и воля». Особенно безудержна фантазия Бакунина в отношении самого этого общества. Он называет его «могущественным», распространившимся на всю империю и охватывающим все классы — «тысячи преданных людей всех классов», от дворян «до последнего крестьянина». Мистификации Бакунина относительно силы и численности общества «Земля и воля», его состава, установок его создателей не уживались с фактическим положением дел. Организация находилась только в стадии становления, когда белый террор, к которому правительство приступило с середины 1862 г., а затем начавшееся в Польше восстание сначала затормозили, а затем и вовсе приостановили широко развернувшуюся работу по объединению различных революционных групп и кружков в единую подпольную федерацию, какой была «Земля и воля». Не осуществилось и намерение сделать общество народным, вовлечь в него крестьян, о чем неоднократно писал, например, Огарев. Своими крайне преувеличенными сведениями о размахе деятельности русской революционной организации Бакунин хотел возбудить и активизировать финское национально-освободительное движение. Весь его исторический экскурс в прошлое русского царизма, оценка современного состояния противоборствующих в стране сил должны были служить доказательством изоляции и фактического бессилия императорской власти перед лицом нарастающего против нее протеста, с которым должна слиться и борьба за национальное освобождение народов, подчиненных России. И в тот момент, когда Бакунин, как казалось, уже был на пути в Польшу, чтобы вместе с польским отрядом экспедиции Лапинского распространить восстание на собственно русские пределы, и вслед за тем, когда эта надежда рухнула,

\* Перевод с французского. — *Ред.*

объединение сил русского, польского и финского народов в борьбе против царизма он считал делом назревшим, нуждавшимся лишь в организационном оформлении. Между тем, не говоря о других аспектах проблемы, состояние финского национального движения, его идейно-политические установки и организационные возможности не соответствовали, как подтвердило ближайшее будущее, тем задачам, которые ставил перед ним Бакунин.

Хотя Бакунин и дает финнам конкретные рекомендации относительно создания централизованного тайного общества, которое должно связаться с «Временным польским правительством, с Лондоном через Стокгольм и с С.-Петербургом» и придать «регулярный, гармоничный и единый характер всей работе финского союза», его письмо ничего не прибавляет к решению вопроса, связанного с финской конспирацией. В своей позитивной части послание Бакунина очень близко к его письму, адресованному сыну Герцена, от 24 марта. Оно конкретизирует задачи деятельности финских патриотов у себя на родине и говорит о намерении Бакунина непосредственно связаться с ними через доверенное лицо и, в свою очередь, связать их с Центральным комитетом «Земли и воли» в Петербурге. Послание, адресованное в Финляндию и сохранившееся в архиве Квантена, скорее всего, не было передано им по назначению: оно не соответствовало характеру финского национального движения, его готовности откликнуться на призыв к немедленному открытому действию.

В сложившейся ситуации Бакунин все больше сближается со шведскими журналистами, с политическими деятелями, представлявшими наиболее радикальное — либеральное и демократическое — направление в скандинавизме. Он активно сотрудничает в газете А. Сульмана «Aftonbladet». Начиная с мая 1863 г. здесь печатается цикл его статей под названием «Царская власть и молодая Россия». Одновременно Бакунин выступает и в другой упомянутой выше влиятельной стокгольмской газете — «Nya Dagligt Allehande», которую отличал острый интерес к национальным проблемам, поддержка национально-освободительной борьбы народов Европы. С ее редактором — К. А. Линдстрёмом, депутатом парламента на протяжении 1858—1863 гг., Бакунин, скорее всего, сблизился через Ю. Нордстрёма: Линдстрём был его заместителем на посту хранителя Государственного шведского архива.

Сближение с руководителями двух крупнейших стокгольмских газет открывало перед Бакуниным широкие возможности для ознакомления шведского общества с Россией и с ее освободительным движением, завоевания его симпатии и создания, таким образом, благоприятных политических условий для превращения Стокгольма в опорный пункт русско-польского и русско-финского революционного сотрудничества.

Именно таково было назначение сохранившегося в фонде Сульмана обзора материалов польской печати за февраль—апрель 1863 г. Он был составлен по просьбе Бакунина деятелем польского освободительного движения, участником экспедиции на пароходе «Ward Jackson» Ф. Зенковичем. Материалы выявляют факт перепечатки польской газетой землевольческой прокламации «Русские люди», выпущенной в бернской типографии. Прокламация клеймила преступления царского самодержавия в Польше, призывала русских людей заявить свой решительный протест, подняться на борьбу за созыв Земского собора, объединить свои усилия с восставшей Польшей. Высказывая вслед за тем свои соображения о практическом значении этой прокламации, Зенкович писал: «В ожидании результатов пропаганды русского комитета среди народа следует заметить, что все более и более часто случается, что русские офицеры и даже солдаты переходят в ряды повстанцев». И далее, со ссылкой на польские газеты, Зенкович продолжал:

«Много корреспонденций, адресованных в польские газеты с театра военных действий, говорят о русских, которые храбро сражаются за дело поляков. Потехня, русский офицер и первый организатор Комитета русских офицеров в Варшаве, носящего то же название „Земля и воля“, героически погиб в битве у Скала, застигнутый русской пулей во главе колонны польских косинеров, которых вел в атаку. У Лапи (железнодорожная станция С.-Петербургской железной дороги) майор, комендант подразделения войск, которые занимали эту станцию, перешел в ряды повстанцев вместе с тремя офицерами и тридцатью солдатами, все с оружием... В Белостоке многие офицеры перешли в лагерь восставших, то же самое произошло в Кутно и Калише. А в Люблине шесть солдат покинули свои посты в карауле и отправились к повстанцам вместе со своим оружием»<sup>47</sup>. Анализируя эти материалы, В. А. Дьяков отмечает их ценность для истории организации русских офицеров в Польше, деятельности бернской типографии по изданию прокламаций, отражающих борьбу русских революционных кругов за независимость Польши, для истории взаимоотношений внутрирусского и Лондонского центров революционного

движения. Весьма существенно, что, как видно из приведенных текстов, в представлении осведомленных современников офицерская организация, возглавлявшаяся Потемной, являлась неотъемлемой частью «Земли и воли»<sup>48</sup>.

Между тем долго откладывавшийся отъезд в Швецию сына Герцена состоялся наконец 16 мая. Его письмо к некоему А. Папо свидетельствует о том, что все это время конспиративные замыслы поглощали Герцена-сына. Письмо приоткрывает попытку организовать новую экспедицию; ее план обсуждался в Лондоне издателями «Колокола» с приехавшими «друзьями» и несомненно был связан с Польшей, с поддержкой восстания<sup>49</sup>.

А. А. Герцен вез с собой в Стокгольм, кроме инструкции, составленной для него Огаревым, еще и его письмо, помеченное 15 мая. Оно предназначалось финскому эмигранту в Стокгольме, но не имело обозначения имени адресата<sup>50</sup>. Сам Огарев имел в виду Ю. Нордстрёма, руководствуясь информацией о нем, полученной от Бакунина. «В моем письме к Нордшт(рёму), — писал Огарев А. А. Герцену 30 мая 1863 г. в Стокгольм, — он по имени не назван, следст(венно), написавши мой пакет, можно отдать его кому угодно; но замечу: или он со мной согласен, или характеристика его в 1-м письме Б(акунина) чистейший вздор; это что-то очень хитро-сплетенно» (XVII, 333—334).

Записка («Три вопроса...») и письмо к финскому деятелю отражали общую позицию издателей «Колокола» в отношении Финляндии. Хотя нам и неизвестно письмо Бакунина, на которое ссылается Огарев, скорее всего, он характеризовал взгляды Нордстрёма как отличающиеся от господствующего направления в среде ведущих деятелей финской эмиграции в Швеции, с их преимущественной установкой на военное вмешательство западных держав и присоединение Финляндии к Швеции. Руководители Лондонского центра ориентировали финнов на развертывание внутрифинского национального движения, на идею союза независимой Финляндии и «свободной России (или, вернее, славянской федерации)», с одной стороны, и Скандинавскими странами — с другой. Создание общественного мнения в России в пользу независимости Финляндии «без всякой войны» — эту задачу должна была решать русская революционная пропаганда, общество «Земля и воля» в России, «Колокол» — в Лондоне. Огарев так разъяснял финскому адресату цель поездки сына Герцена в Швецию: «Именно для того, чтобы скрепить наше будущее объединение и обсудить во всех подробностях, что мы можем и должны сделать в настоящее время, к вам и послан молодой Герцен; ему даны все необходимые инструкции»<sup>51</sup>.

Как видим, Герцену-младшему давались широкие полномочия. Наряду с переговорами о принципиальной основе русско-финского сотрудничества на него возлагалось оперативное решение задач русско-финской конспирации. Она включала создание лондонских изданий в Швеции, установление контактов с «Землей и волей», транспортировку литературы в Россию, «учреждение типографии в Стокгольме» и приобретение необходимого для всего этого «покровительства Швеции»<sup>52</sup>.

Первое письмо А. А. Герцена из Стокгольма в Лондон содержало, как видно, какие-то разочаровывающие сведения о возможностях, которыми располагала местная финская эмиграция, чтобы установить связи с петербургским революционным подпольем. Этим вызвано в какой-то мере сомнение Огарева в характеристике, данной Бакуниным Нордстрёму, и замечание, что «пакет» (т. е. письмо Огарева) можно отдать «кому угодно». Во всяком случае, А. А. Герцен вручил его не Нордстрёму, а Квантену, благодаря которому Бакунин еще в конце апреля отправил письмо в Петербург руководству «Земли и воли» (см. XXVII, 322, 679)<sup>53</sup>. Второе письмо, уже по приезде в Стокгольм А. А. Герцена, было направлено в Россию им и Бакуниным



А. А. ГЕРЦЕН  
Фотография, 1858  
Музей Герцена, Москва

через близкого Квантену финского эмигранта К. Веттергоффа — литературного критика и публициста, сотрудника газеты «Nua Dagligt Allehande», в качестве корреспондента которой он бывал в Финляндии<sup>54</sup>.

Интенсивность сотрудничества Бакунина в стокгольмской прессе дает основание считать вероятным сообщение «Leipziger Zeitung», на которое ссылается Огарев в письме к А. А. Герцену от 21 мая 1863 г., что «Бак(унин) хочет издавать в Стокгольме журнал» (XXVII, 329).

Огарев скептически оценивал возможности Бакунина-издателя и вообще не видел необходимости создавать за границей новый русский орган. Но от намерения «устроить в Стокгольме типографию», о котором Герцен писал Квантене двумя месяцами ранее, они не отказались. В записке («Три вопроса...»), ставя эту задачу, Огарев разъяснял назначение типографии: «печатать русские издания по договорам с стокгольмскими книготорговцами < . . . > рукописи, присылаемые из Лондона», а кроме того, она должна будет печатать и пропагандировать материалы, которые будут присылать «из русского общества, и, вместе с тем, заменит тайные станки для России»<sup>55</sup>. В письме к А. А. Герцену эта мысль Огаревым конкретизируется. Он называет «Колокола» и «Свободу» органами, достаточными для решения пропагандистских задач русской революционной партии, но при этом замечает: «Для последней надо устроить станок, вот и все» (XXVII, 329).

Сразу же вслед за Герценом-младшим в Стокгольм, кроме комплектов «Колокола», были отсланы и «буквы», т. е. русские прифты для типографии (XXVII, 334, 329).

Ко времени, когда писал Огарев, был отпечатан только № 1 листка «Свобода», органа ЦК «Земли и воли»<sup>56</sup>. Захват властями в конце февраля 1863 г. вывезенного в имение Мариенгаузен (Люцинский уезд Витебской губернии) из Петербурга в декабре 1862 г. землевольческого станка лишил руководство тайного общества возможности продолжать издание<sup>57</sup>. Таким образом, намерение создать типографию в Стокгольме наряду с интересами русской заграничной пропаганды отвечало жизненно важным потребностям внутрирусского революционного центра, ЦК «Земли и воли».

28 мая шведскими либеральными кругами был устроен в Стокгольме банкет в честь Бакунина. Герцен писал по этому поводу в «Колоколе» (заметка «Пир в Стокгольме»):

«В ответ нападениям на Швецию в полуофициальных журналах стокгольмские граждане сделали пир в честь М. Бакунина. Бакунин, мы уверены, — первый русский, в честь которого шведы давали не дипломатический, вынужденный обед, а дружеский, братский пир. Наконец-то и шведы увидели, что петербургское правительство и русский народ не одно и то же. На этом обеде молодой поляк провозгласил тост „в память Потебни и всех русских, погибших за польское дело!“» (XVII, 189)<sup>58</sup>. Поляк, имени которого не назвал Герцен, был Ф. Зенкович. С речью на банкете выступил, кроме того, А. А. Герцен.

Заметкой «Пир в Стокгольме» Герцен прежде всего брал под защиту Бакунина от инсинуаций русской прессы и пользовался возможностью снова указать на русско-польскую революционную солидарность. Что же касается содержания речи, произнесенной Бакуниным, в которой, говоря об обществе «Земля и воля», он повторил те же фантастические сведения о его численности и составе, что и в своем послании к финским патриотам, и, кроме того, указывал на его местонахождение и связи, то она вызвала самую резкую критику со стороны издателей «Колокола». Подспудно нараставшее взаимное отчуждение вело к фактическому разрыву деловых и идейных связей. Бакунин считал, что реакция в России имеет верхушечный и весьма временный характер, хотел, «чтобы все было сейчас, поскорей». От этого «фейерверкность» его действий — «пустота, ненужность, призрачность всех этих переговоров, сближений, отдалений, объяснений», которыми он был занят, по словам Герцена, в Стокгольме (XXVII, 370). Именно в несоответствии устремлений Бакунина и инструкций, полученных сыном Герцена в Лондоне, в расхождениях, касающихся оценки обстановки и вытекавших отсюда различий в тактике, суть конфликта, возникшего между Бакуниным и А. А. Герценом как двумя представителями «Земли и воли» в Скандинавии. Этот конфликт усугублялся недостаточностью такта, неопытностью сына Герцена в политических делах, с одной стороны, и присущими Бакунину приемами и методами — с другой.

Столкновение с А. А. Герценом, которого Бакунин обвинял в честолюбивом превышении своих полномочий, привело к полному разрыву Бакунина с Квантеном и со всей финской эмигрантской колонией в Стокгольме, что повлекло за собой его изоляцию в делах русско-финской конспирации. Между тем именно в Квантене сын Герцена приобрел самого близкого и деятельного сотрудника. В архиве Квантена сохранилась недатированная записка к нему А. А. Герце-

Den 7<sup>te</sup> Juli 1863. Elmfield house  
Teddington  
S. W.

Lieber Herr Quanten.

Endlich komme ich dazu Ihnen eine  
Weile schreiben zu können; ich habe fast  
jeden Tag an Sie gedacht, und es hat  
mich schon länger der Gedanke gequält,  
daß ich Ihnen noch nicht ordentlich  
meinen aufrichtigen und tiefen Dank  
ausgesprochen habe, für alles das gute  
was Sie für uns und auch für mich  
persönlich gethan haben.

Alleses von dem unendlich großen  
Dank den Sie unserer Sache geleistet haben  
durch das Öffnen weniger einer öffent-  
lichen ist Ihnen meine tiefste Anerken-  
nung schuldig für die einfache und  
freundliche Weise mit der Sie mich  
aufgenommen und behandelt haben.

Mein Vater und Ogareff würden  
meinem Briefe ebenfalls einige Zeilen  
beizufügen, darum trete ich dem Weg  
an Ogareff ab.

In einigen Tagen werde ich Ihnen  
einen Brief schreiben der ich Sie bitten  
werden in dem gleichen Art und an die  
Reiche Person, wie das letzte zu befragen.

Abermals meinen innigsten Dank  
sprechen Sie auch Herrn Nordstrom  
meine Verehrung für ihn aus, und seine  
Anerkennung für die thätige Sympathie  
die er unserer Sache erwiesen hat.

Ihre Frau gemahnt bitte ich zu geben  
Schreiben-Schluss auch bald wieder Sich  
selbst und auch Her Land —

Ihr ergebener  
A. Herzen (H.)

*P. Sobald Sie fertig sind mit Ihrer Arbeit  
schicken Sie sie uns — wir erwarten Sie mit der größten  
Angebot... In Vorbereitung braucht nicht brillant & wenn*

ПИСЬМО А. А. ГЕРЦЕНА ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ

Автограф. Теддингтон, 7 июля 1863 г.

Шведская королевская библиотека, Стокгольм

на, запечатлевшая один из моментов деловых контактов между Junior'ом, деятелями финской эмиграции и представителем Польского национального правительства в Скандинавии, функции которого были возложены на бывшего комиссара экспедиции Лапинского — Ю. Демонтовича. Он писал:

«Дорогой Квантен! Я сейчас ухожу к Демонтовичу. Если это как-нибудь возможно, будьте дома сегодня вечером в 9 часов и попросите господина Нордстрёма прийти к вам. Простите — я страшно тороплюсь.

Ваш А. Герцен» 59.

И Герцен, и Огарев вначале одобрительно относились к тому, как повел дела в Стокгольме Герцен-младший. Однако они считали, что при сложившейся в России политической конъюнктуре оперативная связь с Петербургом невозможна и потому дальнейшее его пребывание в Швеции нецелесообразно. В обязанность А. А. Герцена вменялось только приготовить для возможного посланца «Земли и воли» «надлежащий прием» и затем возвратиться поскорей в Лондон, ибо, как писал ему Огарев 11 июня, «скоро кто-нибудь настоящий приедет и гораздо лучше знать от тебя что и как и все устроить viva voce \*» (XXVII, 339, 341).

А. А. Герцен вернулся в Лондон 24 июня. 7 июля датировано его письмо к Квантену с припиской Огарева и отдельное письмо Герцена. Герцен-младший писал в Стокгольм:

Elmfield House  
Teddington, Ю(го)-3(апад)  
7 июля 1863 г.

Дорогой господин Квантен!

Наконец-то я получил возможность написать вам несколько слов; я думал о вас почти каждый день, и меня давно уже мучила мысль о том, что я все еще не выразил вам свою искреннюю и глубокую благодарность за все хорошее, что вы сделали для нас и для меня лично.

\* в беседе (итал.).

Не говоря уже о том, какую бесконечно большую службу вы сослужили нашему делу, открыв по крайней мере одну дверь, я глубоко признателен вам за то, что вы так по-дружески и просто приняли меня и обошлись со мной.

Как прошло дело со вторым запросом? Удался ли он лучше, чем первый? Пришло ли что-нибудь в ответ на второй запрос или совсем ничего? От Бак(унина) нет ни словечка, поэтому мы тоже ничего не знаем.

Дела здесь обстоят таким образом, что я боюсь, что мой второй визит в Стокгольм придется несколько отложить. Для того, чтобы решиться на другое путешествие, которое я имел в виду (на Север), я должен дожидаться приезда некоторых людей, которые могут сообщить об этом важные сведения: в этом году уже слишком поздно, и если не поспешить туда немедленно, то возникает опасность приехать слишком поздно. В таком случае следующий год будет начат с этого. Мой отец и Огарев хотят присовокупить к моему письму еще несколько строк, а потому я уступаю место Огареву.

Через несколько дней я пошлю вам еще одно письмо, которое я буду просить вас отослать в то же место и тому же лицу, что и предыдущее.

Еще раз — моя самая искренняя благодарность. Выразите господину Нордштрёму мое уважение и признательность за действительную симпатию к нашему делу.

Прошу передать привет вашей супруге. Напишите нам в ближайшее время о самих себе и о вашей стране.

Преданный вам А. Герцен (сын)

P. S. Как только кончите свою работу, пошлите ее нам — мы ждем ее с огромным нетерпением. Перевод может быть не блестящим \*.

*Рукой Н. П. Огарева:*

Ich geselle mich zu meinen Freunden, um Ihnen mein Wort herzlichen Dankes und tiefer Sympathie zu sagen. Wir Einzelne müssen den Bund anfangen, der unsere befreiten Völker auf dem Grunde friedlicher Unabhängigkeit binden muß. Sie werden mich äußerst verbinden, wenn Sie mir einige Notizen über Finnland und die finnländischen Bestrebungen schicken, irgendein Werk (deutsch oder französisch) über Finnland empfehlen, damit ich gewissenhaft die Fragen Ihres Volkes studieren und unseren Lesern darlegen könne. Das werde ich gewiß mit der größten Sympathie erfüllen. Auch schicken Sie uns öfters alles Neues Finnland betreffend, daß wir es drucken könnten.— Erlauben Sie mir offenherzig Ihre Hand zu drücken und empfehlen Sie mich Ihren Freunden.

Ihr ergebenster N. O g a r e f f

A. B. werde ich diese Tage schreiben; das Übersiedeln in die neue Wohnung hat mir diese Zeit (in Anspruch genommen,) so daß ich nicht zu Schreiben kommen kann <sup>60</sup>.

П е р е в о д:

Я присоединяюсь к моим друзьям, чтобы высказать вам слово сердечной благодарности и глубокой симпатии. Мы, каждый порознь, должны основать союз, который должен связать наши освобожденные народы на основе мирной независимости. Вы меня очень обяжете, если пришлете мне несколько заметок о Финляндии и стремлениях финнов и порекомендуете какой-нибудь труд о Финляндии (по-немецки или по-французски), чтобы я мог добросовестно изучить вопросы вашего народа и изложить <их> нашим читателям. Это я сделаю, конечно, с величайшей симпатией. Посылайте нам также чаще все новое, касающееся Финляндии, что мы могли бы опубликовать.

Разрешите мне сердечно пожать вашу руку и кланяться от меня вашим друзьям.

Преданный вам Н. О г а р е в

На этих днях я напишу А. Б.; переезд на новую квартиру <отнял> это время, <так что я не> мог заниматься письмами <sup>60</sup>.

«Запросы», о которых осведомлялся у Квантена сын Герцена, постигла одна и та же судьба: они вернулись обратно — первый к Квантенту, второй — к Бакунину «за неотысканием людей по данным адресам» и были сожжены. Из письма Герцена-младшего следует, что его планируемая поездка «на Север» — это «другое путешествие», а отнюдь не вторичная поездка в Швецию, как выглядело это намерение по ранее известным его письмам и письмам Герцена. Квантен,

\* Перевод с немецкого.— *Ред.*

пишет Герцен-младший, открыл для русского дела «по крайней мере одну дверь». Это замечание находится в прямой связи с планами северного путешествия. Разобраться в данном вопросе помогает материал из досье Министерства иностранных дел Швеции, к рассмотрению которого мы обратимся несколько позже. Отметим только, что ни той, ни другой поездке — ни «на Север», ни в Швецию — не суждено было осуществиться вследствие дальнейшего ухудшения в России возможности для революционной работы. Письмо, которое А. А. Герцен просил Квантена отослать «в то же место и тому же лицу, что и предыдущее», — это, скорее всего, письмо Огарева к «финнам», о котором он говорит в своей приписке. Если это так, то редакторам «Колокола» удалось установить через Квантена конспиративную связь с финляндскими деятелями внутри страны. Учитывая политическую ориентацию Квантена в отношении внутрифинского национального движения, такими деятелями могла быть только группа К. Квиста. Косвенное подтверждение этому содержит письмо Бакунина к Огареву от 19 августа 1863 г. «Разрыв мой с Квантеном, — писал Бакунин, — которого Ал(ександр) Ал(ександрович) был единственной причиной, и последовавшее за ним охлаждение со всеми проживающими здесь финляндцами не дали мне, как я прежде на это надеялся и ожидал, воспользоваться прибытием сюда многих дельных финляндцев из края. Но благодаря моим шведским приятелям мне, наконец, удалось пробить путь к одному из значительнейших и наиболее уважаемых членов партии фенноманов. Посылаю вам на особом листе отрывки из его писем, которых, я думаю, будет достаточно, чтобы доказать вам важность этой связи и пользу, которую мы можем извлечь из нее». Имени деятеля Бакунин не назвал, не желая, чтобы оно стало известно Квантенту<sup>61</sup>. Таким образом, ориентация Бакунина отразила четкое размежевание, которое существовало в финском национальном движении, где «между фенноманами (Снеллман, Юрье-Коскинен), с одной стороны, радикальной группой Квиста и эмигрантской Квантена — с другой, сложились натянутые отношения»<sup>62</sup>. Что касается просьбы Огарева к Квантенту присылать ему материалы о Финляндии для публикации в «Колоколе», которая содержится в его приписке к письму А. А. Герцена, а также в постскрипту письма последнего, то ее результат остается не совсем ясным: Квантенту или Бакунину обязана была редакция «Колокола» получением статьи «Голос из Финляндии» с подписью «Финляндец» и пометкой «Гельсингфорс» (помещена в ноябрьском номере «Колокола» 1863 г.)<sup>63</sup>. Статья написана человеком радикальных, демократических убеждений, проникнута презрением и иронией по отношению к царизму и горячей приверженностью к идее финской независимости. Она свидетельствует, что автор был осведомлен о русской революционной партии и имел четкое представление о соотношении политических сил в России. Польским брожением, «волнением будто бы освобожденных крестьян в России да тайным брожением общества „Земля и воля“» объяснял автор статьи либеральные маневры русского правительства в Финляндии, которые привели в конце концов 18 сентября 1863 г. к открытию в княжестве сейма.

Редакторы «Колокола» использовали всю доступную им информацию, в том числе почерпнутую из иностранных газет, чтобы пропагандировать с его страниц идею финской независимости. Это было их реальным вкладом в дело русско-финского сотрудничества, намечавшегося в переговорах с финскими радикалами. В двух июньских номерах 1863 г. «Колокол» поместил заметки, в которых приветствовалась независимая и благородная позиция финской общественности, отказавшейся, несмотря на сильнейший нажим, послать в Петербург верноподданнические адреса<sup>64</sup>. С этими заметками прямо перекликается письмо Герцена к Квантенту от 7 июля 1863 г. («несколько строк отца, как писал о нем Герцен-младший), не вошедшее в собрания его сочинений:

7 juillet 1863. Londres  
Elmfield House  
Teddington. S(outh)-W(est)

Monsieur,

Vous me permettez de vous serrer la main avec un sentiment de profonde gratitude pour la réception sympathique et amicale que vous avez faite à mon fils. Lui et moi nous le devons à la communauté des idées — qui nous lie — et c'est au nom de ces idées que je me sens en droit de vous écrire.

Vos compatriotes ont donné un magnifique exemple aux Russes — dans l'affaire des adresses de dévouement et de servilité.

Pour le moment le gouvernement en Russie, avec l'aide d'une littérature vendue et de la malheureuse question des frontières — a évoqué un patriotisme intempestif — et insolent — mais cela ne durera pas.

Le grand nœud de la position pour le moment — n'est pas plus delié qu'il n'a été au mois de mars. Tout dépend de la guerre, et moi j'en doute encore de la guerre. Il nous reste donc le travail de préparation, de voies de communications, de l'échange continu — d'idées et de vues. C'est ce que nous tâchons d'organiser — et comme une grande aorte va par votre patrie — nous comptons avec foi et confiance sur votre assistance.

Si le gouvernement russe fera des concessions et si tout ira<!> par les conférences diplomatiques, — le gouvern(ement) perdra immensément en force morale. Il y a des bruits qu'à travers toute la rhétorique du dévouement — on parle aussi de la convocation d'une *Douma*. Le journal panslaviste d'Aksakoff l'a imprimé. La *Douma* — c'est l'inévitable premier pas — *sine qua non*.

D'autres forces, d'autres éléments montreront alors quel sera le chemin que la Russie prendra.

La férocité des repressions en Pologne — va au-delà de la bestialité de Nicolas. Et il y a une littérature entière qui applaudit et des hommes de la société à Moscou — qui portent le toast de Mouraviéff. — C'est triste et atroce. — Heureusement, c'est une éruption cutanée — nous sommes loin de désespérer, mais le temps que nous traversons est bien lourd.

Encore une fois remerciez vos amis — nous avons tout entendu maintenant — que nous vous connaissons et estimons de tout notre cœur — et recevez vous-même ma gratitude et mon amitié.

Alex. H e r z e n <sup>65</sup>

П е р е в о д:

7 июля 1863 г. Лондон  
Elmfield House  
Teddington. Ю<го>-З<апад>

Милостивый государь,

Вы позволите мне позжать вам руку с чувством глубокой благодарности за сердечный и дружеский прием, который вы оказали моему сыну. Он и я обязаны этим той общности взглядов — которая нас соединяет, — и вследствие этого я чувствую себя вправе написать вам.

Ваши соотечественники дали великолепный пример русским в деле адресов с выражением преданности и раболепия.

В настоящий момент правительство в России с помощью продажной литературы и злополучного вопроса о границах вызвало несвоевременный — и наглый — патриотизм, но это продлится недолго.

Огромный клубок настоящего положения остается таким же запутанным, каким он был в марте месяце. Все зависит от войны, а я еще сомневаюсь в том, что она произойдет. Нам остается, таким образом, подготовительная работа по поиску путей для связи, постоянного обмена мыслями и взглядами. Это то, что мы пытаемся организовать, — и поскольку огромная аорта проходит через вашу родину, мы с верой рассчитываем на ваше участие.

Если русское правительство сделает уступки и все пойдет путем дипломатических совещаний, правительство понесет неизмеримый моральный урон. Ходят слухи, что, наряду со всей риторикой преданности, поговаривают и о созыве Думы. Панславистская газета Аксакова напечатала об этом. Дума — это неизбежный первый шаг — *sine qua non* \*.

Другие силы, другие элементы покажут тогда, какой путь выберет Россия.

Жестокость репрессий в Польше превосходит все зверства Николая. И существует целая литература, которая рукоплещет им, и в Москве есть люди из общества, которые провозглашают тост Муравьеву. — Это грустно и ужасно. — К счастью, это лишь кожная сыпь — мы далеки от отчаяния, но время, переживаемое нами, очень тяжело.

Еще раз поблагодарите ваших друзей — мы теперь поняли всё, — которых мы знаем и уважаем от всего сердца, и примите сами мою благодарность и мою дружбу.

Алекс. Г е р ц е н <sup>65</sup>

Письма Герцена, Огарева и А. А. Герцена к Квантену от 7 июля подводили в известной мере итог отношениям, установленным Лондонским центром с финскими радикалами, и определяли их дальнейшее содержание. Оно мыслилось как длительное и прочное сотрудничество в подготовке открытой борьбы с царизмом. Один из основных элементов сотрудничества руководители Вольной русской прессы видели в пропаганде на страницах «Колокола» идей независимости Финляндии, ознакомление русского общества с социальными и культурными проблемами этой страны. Важными слагаемыми русско-финского революционного сотрудничества оставались

\* неперемное условие (лат.).

возможность использовать Скандинавию, Финляндию в особенности, как трассу для лондонских изданий и связи с Россией вообще; содействие в этом деятелей финского освободительного движения; дальнейшее укрепление завязавшихся с ними контактов.

Бакунин, который продолжал оставаться в Стокгольме, сумел, как он уверял издателей «Нолокола», найти и использовать пути переброски через Финляндию в Россию революционных изданий, «бросить,— по его словам,— в север России (в губерн(чи) Архангельскую и Олонецкую особенно) около 7000 экземпляров разных воззваний, между прочим, ваших воззваний к солдатам и офицерам».

Мы не располагаем данными в полной мере подтверждающими сообщение Бакунина<sup>66</sup>. С Петербургом установить связь ему не удалось. 20 сентября Бакунин покидает Стокгольм и направляется в Лондон. По существу, это означало признание им политической бесперспективности дальнейшего пребывания в Скандинавии, во всяком случае в отношении перспектив финского национально-освободительного движения. Признание права Финляндии на самостоятельное существование, революционно-демократическая программа, которая выдвигалась Герценом и Огаревым, революционные призывы к действию со стороны Бакунина не могли найти широкого отклика в Финляндии, национальные устремления которой на этом этапе с наибольшей полнотой отражали фенноманы. Для финской национальной буржуазии, которая возглавляла эту партию, был в равной мере неприемлем союз ни с революционной Россией, ни с революционной Польшей. Она искала компромисса с царизмом на путях национально-культурной автономии и либерализации политической жизни страны. Принятое Александром II еще в июне 1863 г. решение о восстановлении сейма, его августовский рескрипт об уравнивании финского и шведского языков исчерпали оппозицию фенноманов в ее наиболее значительном проявлении. Царизму удалось на время добиться политической стабилизации своих позиций в Финляндии<sup>67</sup>.

Письмо, посланное Бакуниным 29 октября 1863 г., по приезде в Лондон, А. Сульману и сотруднику его газеты, журналисту и политике П. Р. Торсmedenу, совсем не касается финских дел. Однако оно свидетельствует, что Бакунин в это время был еще целиком поглощен русскими проблемами. Все его политические помыслы сосредоточены были на идее крестьянской революции в России и задачах русско-польского революционного сотрудничества. «Я встретил здесь (в Лондоне),— писал Бакунин,— весь мой небольшой кружок соотечественников, кроме двух Герценов — отца и сына, которые путешествуют по Италии и которые вернутся сюда только в декабре. Наше общество пополнилось господином Утиным, молодым русским, очень воспитанным и умным, который был и продолжает оставаться весьма влиятельным членом нашей ассоциации „Земля и воля“ в Санкт-Петербурге и которому посчастливилось бежать как раз накануне своего ареста. Я нашел дела нашей партии в России в состоянии лучшем, чем я осмеливался надеяться. Она восстановилась, реорганизовалась после ужасного террора, который в течение всего этого года опустошал ее ряды по всей территории Империи. И так как польское национальное правительство, в результате скрытой и внутренней революции, снова стало полностью красным и народным, и т. д., наша партия снова с ним сблизилась, и я ожидаю самых больших благ от этого сближения. Посмотрим, что будет весной»<sup>68</sup>.

Письмо явно отразило впечатления Бакунина от бесед с Огаревым, который осенью 1863 г. был занят разработкой организационных мер по восстановлению утраченных за время восстания в Польше связей с обществом «Земля и воля». Этой цели служила поездка Герцена на континент, его переговоры с представителями русской революционной эмиграции в Италии, а затем в Швейцарии. Составленная Огаревым для Герцена в связи с его поездкой специальная памятная записка (при публикации она получила условное название «О восстановлении связи с обществом „Земля и воля“») содержала подробную схему путей транспортировки продукции Вольной русской типографии в Россию. В условиях политической реакции, восторжествовавшей в России, одной из мер возрождения общества Огарев предлагал учреждение за границей «множества агентств из членов общества, случайно путешествующих, или эмигрантов». Эти агентства должны были обеспечивать присоединение приезжающих к Обществу, транспортировку в Россию пропагандистской литературы, а также передачу материалов в европейскую прессу и доставку «в Лондон и комитет нужных сведений и случаев». В перечне пунктов размещения агентств он помечает: «Лондон, Швейцария, Константинополь и Стокгольм готовы»<sup>69</sup>.

Письмо Бакунина зафиксировало его первые, вполне положительные впечатления от знакомства с Н. И. Утиным, который бежал из России ввиду нависшей над ним угрозы ареста и в августе 1863 г. добрался до Лондона. Что касается его оптимистических прогнозов, связанных с переменами в составе повстанческого Национального правительства, то время вскоре их рас-

сеяло. Новое правительство пополнилось в сентябре 1863 г. рядом новых членов, придерживавшихся радикальных взглядов. В своем обновленном составе оно стремилось, хотя и не очень дружно, придать восстанию социальную направленность. Но просуществовало оно всего около двух недель. Партия «белых» взяла верх в руководстве и решительно пресекла социально-демократические тенденции восстания.

Дальнейшая история польских акций Бакунина несколько проясняется письмом Герцена к сыну во Флоренцию. Он писал ему из Лондона 7 декабря 1863 г., вернувшись из поездки на континент:

«Теперь как можно будь осторожнее с Бак<униным> и не отдавай ему без нужды письма. В Женеве ко мне приехал из Цюриха Провансов \* и рассказал, что у них есть одно предположение, прелепое и, по-моему, вредное, более вредное Lapinskiad'ы. Тут выбора мне не было — я сказал, что я кладу со своей стороны veto; но этого было мало, и надобно было в том же смысле иметь влияние на Б<акунина>. Я все сделал и выделся с ним <...> Он всеми силами хочет мира с нами и потому ничего не сделает для скандала. Огар<ев> будет к нему об этом писать» (XXVII, 387). Комментируя это письмо, Б. П. Козьмин отмечал, что упоминание Герценом об экспедиции Лапинского дает основание предположить, что предприятие, задуманное Слепцовым с Бакуниным, было связано с экспедицией, предпринимавшейся польскими эмигрантами в Средиземном море <sup>70</sup>. Имея в виду фактическое участие, которое действительно принял Бакунин (несмотря на заверения, по-видимому, данные им Герцену) в организации так называемой экспедиции Збышевского <sup>71</sup>, нам представляется несомненным, что «предположение», о котором Слепцов вел разговор с Герценом в Женеве, касалось участия русской эмиграции именно в этой экспедиции. Герцен был категорически против. В том же смысле Бакунину, находившемуся тогда в Париже (где с ним и встретился Герцен), должен был писать Огарев. Отрицательный отзыв в письме к сыну об экспедиции Лапинского был связан не с отношением Герцена к самому ее замыслу, а с его реализацией. Провал экспедиции был в значительной мере обусловлен несогласованностью действий Польского национального правительства и его зарубежных агентов и борьбой враждующих группировок в руководстве восстанием. Отрицательно сказались и конфликтная ситуация, сложившаяся при этом у Бакунина с поляками. Что же касается новых планов Бакунина, связанных с экспедицией Збышевского, то здесь Герцен занял непримиримую позицию, в принципе отвергая ее. Он исходил при этом из трезвой оценки общей ситуации в России и положения дел в Польше, полностью исключавших прежние расчеты на объединенное русско-польское социальное движение. Был и другой момент. Экспедиция Збышевского была нацелена на признание западными державами Польши как воюющей стороны. От этого зависела прежде всего возможность покупки оружия. Такое признание требовало, чтобы польский флаг появился на одном из морей, открытых для английских и французских судов. Действия Збышевского как командира неизбежно должны были приобрести характер своего рода морского разбоя, каперства. Естественно, что для Герцена и Огарева это было совершенно неприемлемо.

Отрицательное отношение к экспедиции усугублялось участием в ее организации Бакунина. Когда Герцен предупреждал сына, чтоб он был «как можно <...> осторожнее с Бакуниным», он имел в виду невозможность какого бы то ни было сотрудничества с ним на политической почве. Опыт Швеции выявил присущее Бакунину безоглядное стремление к немедленному революционному действию. Герцен делал для себя однозначный вывод, разрывая всякую политическую солидарность и общую деятельность с Бакуниным.

Именно в Париже, куда отправился из Лондона Бакунин на пути в Италию и где в это время проходили переговоры Збышевского с представителями Польского национального правительства, он и взял на себя связующую роль между поляками, русской революционной эмиграцией и итальянской Партией действия в подготовке этой морской экспедиции. На пути во Флоренцию Бакунин заезжает на Капреру к Гарибальди, о чем сообщает Л. И. Мечникову 23 января 1864 г. из Генуи <sup>72</sup>. Для продолжения переговоров и осуществления практической связи с итальянской стороной Мечников, уполномоченный Збышевским и Бакуниным, также отправился из Флоренции на Капреру. Имея в виду эту поездку, Мечников писал много позднее редактору «Отечественных записок» М. Е. Салтыкову-Щедрину: «Последняя моя встреча с Гарибальди состоит в тесной связи с организацией польской вооруженной экспедиции на Черное море, составляющей интересный pendant к экспедиции Лапинского» <sup>73</sup>. Миссия Мечникова, его поездка на Капреру в феврале 1864 г., была не изолированным фактом, а одним из звеньев русско-польского

\* Конспиративная фамилия А. А. Слепцова. — Е. Р.



М. А. БАКУНИН

Фотография Надара. Париж, 1860-е гг.

Из альбома: «Nadar». Torino, 1965

революционного сотрудничества периода польского восстания 1863 г., в частности систематической оперативной связью русской колонии во Флоренции с поляками и координацией ее с итальянской Партией действия <sup>74</sup>.

Как справедливо отмечал Ю. М. Стеклов, одной из причин, толкавших Бакунина в Италию, была его «специальная страсть — разрушение Австрии», которую он считал тюрьмой славянских народов; это сближало его с итальянцами, а также с венгерской эмиграцией, группировавшейся во Флоренции вокруг одного из ее руководителей — Ф. Пульского. Перспективы русской революции и польского восстания, по-видимому, продолжали целиком занимать Бакунина <sup>75</sup>. Однако решение польской проблемы отныне целиком связывается им с перспективами общеевропейской социалистической революции. «Первый и, без сомнения, самый горестный акт польской революционерской трагедии, — писал Бакунин С. Тхоржевскому 24 апреля 1864 г., — кажется, пришел к окончанию. Но <...> польская революция не только что не окончилась, но, по моему глубокому убеждению, только что начинается. Кончился только кровавый пролог под названием „Героическое падение польской шляхетской демократии“<sup>4</sup>. Началось польское хлопское дело, которого русское правительство никогда не будет в состоянии ни умиротворить, ни удовлетворить... Мы должны же наконец понять, что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контрреволюцией...» <sup>76</sup>. Глубинным содержанием деятельности Бакунина становится теоретическая и практическая подготовка тайного международного социально-революционного альянса. Начинается

новый, анархистский этап его политической биографии. В то время как историко-философские искания Герцена вели его от критики социальной ограниченности национально-освободительных движений европейских народов, проходивших под республиканским знаменем, к признанию исторической истинности международного объединения «рабочих классов» под знаменем социализма, Бакунин создает другую позитивную программу. Он строит ее на использовании национальных движений, которые в конечном счете должны быть подчинены и в организационном и в идейном отношении решению задач, выдвигаемых Международным тайным обществом освобождения человечества, — «объединение революционных элементов всех стран для создания подлинно священного Союза свободы против Священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых»<sup>77</sup>.

В том же письме к Тхоржевскому Бакунин сообщал ему о своем намерении отправиться летом в Швецию. Он объяснял цель этой поездки тем, что получил «вести и из Стокгольма и из Финляндии, т. е. от Straube и от E. Folkstrue»<sup>78</sup>, и имеет возможность встретиться сам с ними обоими. Однако подлинная цель вторичной поездки в Швецию была связана именно с реализацией этих широких планов в их приложении к скандинавизму. Бакунин ехал в Швецию для учреждения там национальных ячеек Тайного интернационала, первые камни которого начал закладывать в Италии. Адресованная Сульману рукопись «Международное тайное общество освобождения человечества», созданная им сразу же по приезде в Стокгольм (датируется временем не ранее 6 сентября и не позже начала октября 1863 г.), начинает новый период во взаимоотношениях Бакунина со шведскими радикалами<sup>79</sup>. Непосредственно примыкает к этой рукописи комплекс ценнейших документов Бакунина из фонда шведского публициста, сотрудника «Aftonbladet», пламенного сторонника скандинавизма А. Хедина, опубликованный, глубоко и тщательно проанализированный итальянским исследователем С. Фурлани. Особый интерес в ряду этих документов представляет «Проект организации семьи Скандинавских братьев», позволяющий увидеть конкретное преломление планов Бакунина, — механизм, посредством которого он стремился к достижению своей цели. Проектировавшаяся тайная Скандинавская ассоциация призвана была руководить учрежденной 6 сентября 1864 г. — в день приезда Бакунина в Стокгольм — открытой и общедоступной Северной национальной ассоциацией (Nordiska National forening). Ее учредители, Сульман и Хедин, намеревались вести ее по пути политического скандинавизма в его наиболее демократической форме. При этом Бакунин настойчиво отстаивал вопреки антифинской позиции Сульмана и Хедина тезис о необходимости включения Финляндии в Скандинавский союз на условиях предоставления ей автономии<sup>80</sup>. Таким образом, Бакунин продолжает дело, начатое в 1863 г., но финская проблема, являвшаяся для него частью проблемы русской революции, становится теперь в единый ряд с его интернациональными замыслами. Точно так же и польская проблема предстает перед ним теперь как часть общего международного заговора, а польские деятели фигурируют в письмах Бакунина, сохранившихся в архиве Сульмана и Хедина, исключительно в связи с созданием тайной заговорщической организации<sup>81</sup>.

\* \* \*

Коллекция писем З. Иордана, Бакунина, Герцена, Огарева и А. А. Герцена из фондов Квантена и Сульмана позволяет, как мы видим, значительно углубить исследование интернациональных связей русского революционного движения и проясняет один из аспектов этих связей. В момент, когда Польша поднялась на открытую борьбу с царизмом, русская революционная демократия предприняла энергичные меры не только для непосредственной поддержки восстания, но и для мобилизации собственных сил, чтобы вызвать военно-крестьянскую революцию в России. Возникает план создания дополнительного фронта на северных рубежах Российской империи, включения в русско-польский революционный союз финского национального движения. Попытка реализации этого плана, его практический итог отразили не только общее состояние русских революционных сил — его идейный и организационный уровень, но и характер освободительного движения народов, входивших в состав Российской империи, и прежде всего внутрирусских социально-политических условий. Неудача восстания в Польше подвела окончательную черту революционной ситуации, возникшей в стране к концу 1850-х годов. «Самоликвидацией» весной 1864 г. общества «Земля и воля» завершился целый этап истории русского революционного движения, частью которого была деятельность русской революционной эмиграции в период польского восстания 1863 г.

## П Р И М Е Ч А Н И Я

<sup>1</sup> *SKB* (Шведская королевская библиотека), ф. Э. Квантена. Фонд состоит из автографов пшем Герцена (3), Н. П. Огарева (1), М. А. Бакунина (4), А. А. Герцена (2) и польского политического деятеля З. Иордана (4).

<sup>2</sup> *SKB*, Политическая переписка А. Сульмана. Фонд включает в себя автограф записки Иордана к Сульману и «Польскую переписку» — обзор материалов польской печати за февраль—апрель 1863 г., составленный Ф. Зенковичем. В фонде Сульмана находится, кроме того, автограф рукописи Бакунина «Société Internationale secrète de l'émancipation de l'humanité» (см. ее публикацию в статье: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества». — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. VI. М., 1974, с. 295—355), а также ряд других автографов Бакунина, выходящих за тематические рамки данной работы (см.: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии. — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. V. М., 1970, с. 286—294).

<sup>3</sup> Предварительному анализу этих документов посвящена ранее опубликованная нами статья: Е. Л. Рудницкая. Новые материалы о связи редакции «Колокола», Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением («Вопросы истории», 1967, № 12, с. 36—52).

<sup>4</sup> В комплекс материалов *SKB* входит также досье Министерства иностранных дел Швеции, озаглавленное: «Распространение русских нигилистических прокламаций среди русских моряков в Финмаркене. 1881».

<sup>5</sup> Из документов, вошедших в данную работу, письма Герцена уже фрагментарно опубликованы в статье Л. Р. Ланского «Неизвестные письма А. И. Герцена» («Вопросы литературы», 1966, № 3, с. 192—194). Письмо Бакунина к А. А. Герцену и записка к Квантену вошли в состав публикации: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности..., с. 284—285.

<sup>6</sup> Русско-польской перепиской Квантена, имевшимися у него автографами Бакунина располагала шведская исследовательница С. Боот Холмберг. Она использовала переданные ей Квантеном рукописные материалы в своей книге «Skaldedrömmar och skaldpolitik. Emil von Qvanten och haus tid» (Stockholm, 1906). Книга эта, как пишет Э. Г. Карху, приобрела поэтому в какой-то мере характер первоисточника, вследствие чего «другие зарубежные исследователи, касавшиеся данного вопроса, излагали его главным образом по этой книге и предшествовавшим ей статьям того же автора» (Э. Г. Карху. Финляндская литература в России 1850—1900. М.—Л., 1964, с. 22). Из ряда приведенных в книге Боот Холмберг данных и цитат становится очевидным, что в ее распоряжении находился в свое время ряд документов или копий с них из фонда Квантена, которые ныне хранятся в *SKB*. Кроме работ Холмберг, интерпретация которой русско-польские связи Квантена носит узкоограниченный, консервативно-националистический характер, данные документы частично учтены в капитальной работе финской исследовательницы Л. Крусиус-Аренберг «Der Durchbruch des Nationalismus und Liberalismus in politischen Leben Finlands 1856—1863» (Helsinki, 1934). Материалы фондов Квантена и их интерпретация в работах Крусиус-Аренберг легли в основу очерка М. Фатрелла о взаимоотношениях Герцена, Огарева и Бакунина с финской эмиграцией в Стокгольме (см. «Окно в Гаммерфесте» — глава кн.: Michael F u r t e l l. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. 1863—1917. L., 1963). Деятельность Бакунина в Швеции в 1860-х годах освещается с учетом названных выше советских публикаций, а также других материалов и новых архивных документов в статьях итальянского исследователя С. Фурлани, представляющих большой интерес для нашей темы ввиду содержащихся там ценнейших сведений о шведском окружении Бакунина (Silvio F u r l a n i. La Svezia, lo scandinavismo e il Risorgimento italiano. — Estratto della Rassegna Storica del Risorgimento, Anno LXIII, 1976, fascicolo III, p. 283—303; I d e m. Bakunin e la sua Associazione segreta dei fratelli scandinavi del 1864. — Estratto della «Rivista Storica Italiana», 1977, fascicolo III—IV).

<sup>7</sup> С. М. Фалькович. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х гг. XIX века. М., 1966, с. 147—148.

<sup>8</sup> Там же, с. 134.

<sup>9</sup> В. И. Кельсиев. Исповедь («Лит. наследство», т. 41—42, с. 348).

<sup>10</sup> Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 7, 9; Матти К л и н г е. О социальном характере различных течений в финском национальном движении. Материалы русско-финского симпозиума. М., 1969, с. 21—22; Л. А. Л о о н е. О связях А. И. Герцена и Н. П. Огарева с Финляндией («Скандинавский сборник», XV. Таллин, 1970, с. 190).

<sup>11</sup> По сведениям, которые сообщает Боот-Холмберг в названной книге, именно Иордан добился названия Квантена вице-библиотекарем, что обеспечило ему роль посредника между Карлом XV и польской эмиграцией (Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 31).

<sup>12</sup> Л. А. Л о о н е. Указ. соч., с. 191.

<sup>13</sup> Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 29—30.

<sup>14</sup> С. М. Фалькович. Указ. соч., с. 143. Боот-Холмберг также сообщает о выступлении полковника З. Мордана, приехавшего из Парижа, на митинге, состоявшемся 9 июля 1862 г. в Стокгольме по поводу годовщины Полтавской битвы (Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 31).

<sup>15</sup> *SKB*, Политическая переписка Августа Сульмана. Сообщение Иордана (1862).

<sup>16</sup> Silvio F u r l a n i. La Svezia..., p. 291.

<sup>17</sup> I b i d., p. 284—285. В том же году с изменениями и добавлениями она была напечатана на английском и немецком языках в Англии и Швеции.

<sup>15</sup> С. М. Фалькович. Указ. соч., с. 316.

<sup>19</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо Иордана от 19 января (1863).

<sup>20</sup> «Колокол», 1862, л. 122-123 от 15 февраля, с. 1025.

<sup>21</sup> Сб. «Русско-польские революционные связи», т. II. М., 1963, с. 26—27.

<sup>22</sup> В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964, с. 132.

<sup>23</sup> Там же, с. 154.

<sup>24</sup> *Письма М. А. Бакунина*, с. 102—107.

<sup>25</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо Иордана от 20 февраля (1863 г.).

<sup>26</sup> «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II. М.—Л., 1933, с. 567.

<sup>27</sup> См. ниже.

<sup>28</sup> М. В. Нечкина. Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева («Лит. наследство», т. 61, с. 521).

<sup>29</sup> «Русско-польские революционные связи», с. 8.

<sup>30</sup> Сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 567.

<sup>31</sup> «Из переписки В. О. Ковалевского с Герценом и М. А. Бакуниным». Публикация С. Я. Штрайха («Лит. наследство», т. 62, с. 259).

<sup>32</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо Бакунина от 28 марта 1863 г.

<sup>33</sup> Там же. Письмо Бакунина от 24 марта 1863 г.

<sup>34</sup> Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 36. Вероятность посещения Бакуниным короля (хотя для более позднего времени — 13 мая 1863 г.) допускает анализ книги аудиенций Карла XV, произведенный Н. Ф. Хольдмом. «Остается неясным, — замечает, однако, в этой связи С. Фурлани, — в каких пределах является допустимой идентификация Бакунина с лицом, носящим имя Лорер и принятым королем 13 мая 1863 г. Известно, — продолжает он, — что, прибыв в Швецию, Бакунин принял имя Анри Сулэ» (Silvio Furiani. *Op. cit.*, p. 296).

<sup>35</sup> Другие псевдонимы Бакунина в Швеции: А. Сула, а также «Лиза». Кроме того, в фонде Сульмана сохранилась записка Бакунина, пополняющая список его псевдонимов еще одним, ранее не известным: Шали. Приводим текст этой записки полностью в переводе с французского:

«10 марта 1863 г.

Глубокоуважаемый господин!

Я вам бесконечно обязан за билет для посещения клуба, который дает мне теперь возможность читать все газеты, — и я также рад, что моя брошюра нашла отклик в вашем сердце и уме. — Я хочу вскоре посетить вас и надеюсь также видеть вас у себя. С искренним и глубоким уважением ваш

М. Бакунин — называемый Шали»

(Архив Карельского филиала АН СССР, разряд XV, оп. 3, ед. хр. 1). Записка фиксирует первые шаги Бакунина в Стокгольме. Брошюра, о которой он упоминает, скорее всего, прокламация «Пугачев, Романов или Пестель», опубликованная сначала в «Колоколе», а затем выпущенная отдельным изданием (1862). Мысли о возможных путях русского освобождения, которые развивал здесь Бакунин, он пропагандировал, как отмечалось выше, в Швеции. Весьма вероятно, что, обращаясь к новому для него лицу, представлявшему шведские круги, он считал нужным сообщить другое свое конспиративное имя, а не то, под которым он фигурировал при рекомендации Квантену.

<sup>36</sup> Э. Карху. Герцен и финны («На рубеже», 1962, № 2, с. 109).

<sup>37</sup> Л. А. Лооно. Указ. соч., с. 194—195.

<sup>38</sup> Там же, с. 195.

<sup>39</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 276.

<sup>40</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо Герцена от 28 марта 1863 г.

<sup>41</sup> «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II, с. 569; ср. XXVII, 306.

<sup>42</sup> Несостоятельность обвинений в адрес Бакунина, возлагавших на него вину в неудаче экспедиции и связанных, в частности, с его попыткой сгладить противоречия с представителем в Стокгольме Отея Ламбер В. Калинкой, прибывшим вслед за ним в Гельсингфорс, была подтверждена специальным оправдательным документом, который подписали Демонтович и Лапинский. См.: *Письма Бакунина*, с. 230—231; М. Кун, И. С. Миллер. Новые материалы о международных связях русских революционеров в начале 60-х годов XIX века (сб. «Эпоха Чернышевского». М., 1978, с. 239—240).

<sup>43</sup> «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II, с. 245—246 — донесения русского посланника в Стокгольме.

<sup>44</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо Герцена от 10 апреля 1863 г.

<sup>45</sup> Ноты европейских держав с представлением в пользу поляков были получены в Петербурге 17 апреля. Герцен узнал об этом, по-видимому, между 23 и 27 апреля (XXVII, с. 312—313). А 29 апреля он писал Бакунину, что поручения А. А. Герцену «совершенно будут иные — если будет война, иные — если не будет войны. Вот причина, почему я оттягивал его отъезд» (XXVII, 315).

<sup>46</sup> *СКВ*, ф. Квантена. Письмо М. А. Бакунина от 25 апреля 1863 г.

<sup>47</sup> *СКВ*, Политическая переписка А. Сульмана. «Польская переписка».

<sup>48</sup> Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности..., с. 275—276.

<sup>49</sup> По мнению публикатора письма И. М. Белявской, «Александр Папо» — конспиративный псевдоним, за которым скрывался «русский, посвященный в планы революционной деятельности издателей „Колокола“» («Лит. наследство», т. 64, с. 774).

<sup>50</sup> Опубликовано С. А. Макашиным как письмо Огарева к Квантену («Лит. наследство», т. 63, с. 145—150).

<sup>51</sup> Там же, с. 149.

<sup>52</sup> Там же, т. 61, с. 518.

<sup>53</sup> Э. Г. Карху, основываясь на данных биографии Квантена, отводит утверждение З. Кеменовой («Лит. наследство», т. 41-42, с. 72), что именно он ездил в Петербург для передачи письма Бакунина (Э. Г. Карху. Русская литература в Финляндии, с. 39). Это же имя в данной связи фигурирует в комментариях (XXVII, 762, 785—786, 803). Текст письма Бакунина к Герцену, послуживший основанием для такого раскрытия имени финна, может быть понят таким образом, что Квантен лишь организовал пересылку письма (*Письма М. А. Бакунина*, с. 238).

<sup>54</sup> Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 27.

<sup>55</sup> «Лит. наследство», т. 61, с. 518—519.

<sup>56</sup> Содержание № 1 «Свободы» свидетельствует о том, что текст листка был создан до начала восстания в Польше: исследователи датируют его декабрем 1862 г. Однако в тексте № 1 «Свободы» имеются приметы, говорящие о том, что дата публикации листка более поздняя. Мы имеем в виду имеющееся в конце листка уведомление о создании в России тайного общества, которое приняло название «Земля и воля», и обращение от имени Совета общества с просьбой присылать для него денежные пожертвования в кассу, образованную при редакции «Колокола». Известно, что подобное же оповещение было помещено в самом «Колоколе» и в «Общем веча» впервые в марте 1863 г. Оно было результатом обсуждения между руководителями русской заграничной пропаганды и представителем ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцовым вопросов, связанных с уточнением функций и взаимоотношений Лондонского и внутрирусского революционных центров. Несомненно, что без согласования с издателями «Колокола» оповещение в России о создании кассы при «Колоколе» не могло быть сделано. Видимо, текст уведомления для № 1 «Свободы», подобно тому как это произошло с прокламацией «Льется польская кровь, льется русская кровь...», был послан Слепцовым для печати в Россию из-за границы. За позднюю публикацию № 1 «Свободы» говорит и то обстоятельство, что первые сведения о ее распространении относятся к середине февраля 1863 г. (РПРС, т. II, с. 65). Редакция «Колокола» получала № 1 «Свободы» в первой половине мая 1863 г. (XVII, 146) и опубликовала в л. 164 от 1 июня 1863 г.

<sup>57</sup> В. И. Неупокоев. «Земля и воля» по материалам Динабургского процесса («Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 305—334).

<sup>58</sup> «Колокол», 1863, л. 165 от 10 июня, с. 1363.

<sup>59</sup> SKB, ф. Квантена.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> *Письма М. А. Бакунина*, с. 238, 254.

<sup>62</sup> Л. А. Лопе. Указ. соч., с. 196.

<sup>63</sup> «Колокол», 1863, л. 173 от 15 ноября, с. 1421—1422. В комментариях к 30-томному Собр. соч. высказывается предположение, что автором статьи мог быть финский демократ Э. Фолькструэ и что именно о нем идет речь в письме Бакунина от 19 августа 1863 г. (XXVII, 795).

<sup>64</sup> «Колокол», 1863, л. 164 от 1 июня, с. 1356; л. 165 от 10 июня, с. 1363.

<sup>65</sup> SKB, ф. Квантена. Письмо А. И. Герцена от 7 июля 1863 г.

<sup>66</sup> *Письма М. А. Бакунина*, с. 242. Ценный комментарий по этому вопросу содержит досье Министерства иностранных дел Швеции «Распространение русских нигилистических прокламаций среди русских моряков в Финмаркене» (1881). Оно заключает в себе переписку шведских властей с королевским правительством и местной администрацией в Норвегии, находившейся с 1814 г. в личной унии со Швецией, по поводу обнаруженной в Гаммерфесте (Норвегия) русской революционной прокламации и листов «Колокола». Это был поздний отзвук 1863 г. Оригиналы прокламации в досье отсутствуют. Сохранился только французский перевод с копии, причем указано, что оригинал на церковнославянском языке. Как выяснилось из сопоставления текстов, перед нами перевод прокламации В. И. Кельсиева (первые слова которой: «Господи Иисусе Христе, сын божий, помилуй нас, грешных»), датированной 19 февраля 1863 г. Дело, по-видимому, не ограничилось перепечаткой Огаревым прокламации в № 12 «Общего веча» от 8 марта 1863 г. под заглавием: «От старообрядцев народу русскому послание». Вопреки утверждению Кельсиева в его «Исповеди», что составленная и отлитографированная им в Константинополе прокламация была случайным и не имевшим последствий делом, какое-то количество экземпляров было отправлено в Стокгольм. Дальнейшая история проникновения этой прокламации в Россию выясняется из Отчета III Отделения за 1863 г., в котором сообщалось, что в Архангельской губернии в октябре появилось «возмутительное» воззвание «К русскому народу», литографированное славянскими буквами и названное местными жителями молитвой. Оказалось, что оно тождественно воззванию, перевезенному перед тем во множестве листов через шведскую границу в город Торнео, и что несколько экземпляров этого воззвания были привезены крестьянами в конце навигации из Норвегии, где были получены от гаммерфестского купца Руста, раздавшего их русским промышленникам. Из числа последних два — Каренский и Бурков — сообщили их своим «односельцам» (сб. «Христианское движение 1867—1869 гг.», вып. II. М.—Л., 1931, с. 51). По-видимому, гаммерфестский книготорговец Бергер, связанный лично с Герценом-сыном, прислал из Стокгольма прокламацию на имя Руста, названную в жандармском отчете «К русскому народу». Ею могла быть единственная известная из прокламаций 1860-х годов, написанная славянским шрифтом и начинавшаяся как молитва, какой являлась прокламация Кельсиева. Она была направлена в Россию вместе с рядом других прокламаций, печатавшихся в это время в Лондоне и Берне. Транспорты этих прокламаций, по словам Лемке, в сентябре 1863 г. шли не только из Швеции через Финляндию, но и «прямо из Норвегии в Петербург»

Л XVI, 255—256). Несомненно, что это было только начало реализации широких замыслов. О том, что именно Гаммерфест как удобный пункт для распространения революционной пропаганды, давно привлекал внимание в Лондоне, мы находим указание в «Исповеди» Кельсиева. Автор сообщает, что во время приезда в Лондон осенью 1861 г. С. С. Джунковского, возглавлявшего тогда католическую миссию в Северной Европе, он «сговорился с ним об устройстве в его типографии в северной части Норвегии, в нескольких верстах от Норд-Капа, в городе...», отделения для печатания старообрядческих книг» (В. И. К е л ь с и е в. Исповедь.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 292). Ближайшим городом от Норд-Капа был порт Гаммерфест. Свое намерение Кельсиев связывал именно с этим городом, потому что сюда, по его словам, «каждое лето ходят с хлебом беломорцы, которые все — беспоповцы поморского согласия» (там же, с. 295). Тогда, осенью 1861 г., как мы помним, совершил путешествие в Норвегию сын Герцена. Это была первая разведка. Как выясняется из письма А. Бенни к Кельсиеву, во время пребывания Бенни в Лондоне в октябре 1861 г. он обсуждал с Герценом-сыном, незадолго до того вернувшимся из путешествия, практические вопросы, связанные с использованием «гаммерфестского пути» для транспортировки лондонских изданий. А. А. Герцен высказал мнение, что путь этот — «очень далекий» для *современных* номеров, но для годовых экземпляров он может быть очень полезен («Лит. наследство», т. 62, с. 26). Именно о годовых комплектах «Колокола» и пересылке их к господину Бергеру из Гаммерфеста писал А. А. Герцен к Е. Штраубе («Лит. наследство», т. 41-42, с. 82).

На морской трассе Гаммерфест—Архангельск агентами по приему и дальнейшей транспортировке литературы во внутренние губернии России предполагалось использовать политических ссыльных. «Путешествие на север», о котором писал А. А. Герцен Квантену 7 июля 1863 г., — это, несомненно, поездка в тот же Гаммерфест, самый северный тогда порт Европы. Вероятно, это и есть та «дверь», которую открыл для Лондона Квантен. А. А. Герцен ждал точных сведений, чтобы вступить в Гаммерфесте в непосредственный контакт с агентами «Земли и воли». «Путешествие» не состоялось. Судьба застрявших в Гаммерфесте воззваний и листов «Колокола» — все, что случайно осталось от склада русских изданий, — находится в прямой связи с этим несостоявшимся путешествием. Таким образом, в организации пересылки пропагандистской литературы в Россию слились усилия, предпринимавшиеся и сыном Герцена, и Бакуниным.

<sup>67</sup> Л. А. Л о о н е. Указ. соч., с. 197; Л. В. С у н и. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50—70-е годы XIX в. Л., 1979, с. 74—75.

<sup>68</sup> Е. Л. Р у д н и ц к а я, В. А. Д ь я к о в. О деятельности..., с. 288.

<sup>69</sup> Н. П. О г а р е в. Избр. соц.-полит. и философ. произведения, т. II. М., 1956, с. 125—126.

<sup>70</sup> Письмо Е. И. Утина к Герцену и Огареву («Лит. наследство», т. 62, с. 635).

<sup>71</sup> Граф Б. Збышевский — офицер русского военно-морского флота, участник восстания; выступал под именем Карнь. 10 февраля 1864 г. Национальным правительством он был назначен главным организатором всех морских сил Польши. Его первой акцией должна была стать подготовка польской вооруженной экспедиции на Черном море. Купленный для этой цели в Англии корабль был отправлен в Средиземное море (Stephan K i e n i e w i c z. Powstanie Styczniewe. W., 1972, с. 691—692). Усилия, предпринятые для реализации этого замысла, выявляют связующую роль русской революционной эмиграции в привлечении итальянцев и в осуществлении непосредственных переговоров с Гарibaldi. Как и другим намерениям подобного рода, экспедиции Збышевского не суждено было осуществиться. 15 февраля корабль, шедший из Англии в Мессину, где на него должен был вступить Карнь, был конфискован в Малаге.

<sup>72</sup> «М. А. Бакунин в Италии в 1864 г. (Из воспоминаний Л. И. Мечникова)». — «Исторический вестник», 1897, № 3, с. 810.

<sup>73</sup> «Лит. наследство», т. 13-14, с. 362.

<sup>74</sup> См. об этом: Е. Л. Р у д н и ц к а я. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975, с. 51—67; Она же. К истории русско-польско-итальянских революционных связей («Эпоха Чернышевского»). — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. VII. М., 1978, с. 7—20.

<sup>75</sup> М. К у н, И. С. М и л л е р. Указ. соч., с. 241—244.

<sup>76</sup> Письма М. А. Бакунина, с. 264—265.

<sup>77</sup> «М. А. Бакунин.» Международное тайное общество освобождения человечества («Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 313).

<sup>78</sup> Письма М. А. Бакунина, с. 266.

<sup>79</sup> Е. Л. Р у д н и ц к а я, В. А. Д ь я к о в. Возникновение Тайного Интернационала Михаила Бакунина («Новая и новейшая история», 1971, № 6, с. 113—124); Она же. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.). — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 295—355.

<sup>80</sup> Silvio F u r l a n i. Bakunin e la sua Associazione segreta dei fratelli scandinavi del 1864 (Estratto della «Rivista Storica Italiana», Anno LXXXIX, 1977, fascicolo III—IV, p. 618).

<sup>81</sup> Е. Л. Р у д н и ц к а я, В. А. Д ь я к о в. О деятельности..., с. 280, 291—294; Она же. Новые материалы о Тайном интернациональном братстве М. А. Бакунина («Проблемы итальянской истории». М., 1972, с. 307—342).